

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ

Редактор-составитель **Уильям С. Линд**

Перевод на немецкий язык Томаса Фёлькера, www.in-kuerze.de

Издание Фонда Free Congress Foundation, ноябрь 2004 года

Сокращенный перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2018 г.

Перевод немецкого издания: Die Geschichte der Politischen Korrektheit, bearbeitet von William S. Lind

Übersetzt von Thomas Völker; <http://www.in-kuerze.de> 2010

Американский оригинал: «Political Correctness»: A Short History of an Ideology, Edited by William S. Lind

A Product of the Free Congress Foundation November, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие немецкого переводчика

Предисловие автора

Вступление

Глава 1. Что такое «политическая корректность»?

Глава 2. Исторические корни «политической корректности»

Краткие характеристики

Глава 3. Политическая корректность в высшем образовании

Вступление

Истоки политической корректности в народном образовании

Противоположность идеологии и гуманитарного образования

Уничтоженная учебная программа

Нетерпимость и нападение на свободу

Движение за реформы высшей школы

Огонь истинного учения

Глава 4. Политическая корректность: деконструктивизм и литература

Глава 5. Радикальный феминизм и политическая корректность

Глава 6. Рекомендуемая литература о Франкфуртской школе для более глубокого изучения темы

Предисловие немецкого переводчика

Эта маленькая книга, которую вы сейчас держите в руках, – это перевод книги Уильяма С. Линда. Он писал эту книгу, когда был руководителем «Центра культурного консерватизма» при Фонде Свободного конгресса («Free Congress Foundation»). Ну, Free Congress Foundation защищает именно те ценности, из-за которых в восемнадцатом и девятнадцатом веках в Америку эмигрировали сотни тысяч людей.

Я надеюсь, что вы посчитаете эту книгу увлекательной и полезной. По моей оценке, абсолютно необходимо определить и понять ту метафизическую

надстройку, которая стоит за мультикультурализмом, гендерным мейнстримингом, движениями за права меньшинств и политической корректностью, чтобы, поняв это, добиться поворота общества к лучшему. К сожалению, нынешние (в 2010 году) якобы новые консерваторы движутся по пути, который полностью оставляет без внимания как раз эту метафизическую надстройку, пожалуй, также по той причине, что лишь очень немногие люди знакомятся с соответствующей подоплекой, возможно, из-за того, что они считают ее мало-важной.

Я хотел бы этим переводом внести свой вклад во всеобщее понимание. Я публикую эту книгу как первую часть труда из нескольких частей. Вторая часть должна также указать тем, кто до сих пор не занимался данной проблемой, на контекст, в который включается стоящая за политкорректностью идеология.

Английский оригинал, на котором основывается этот перевод, вы можете найти на сайте <http://www.freecongress.org>. Пожалуйста, простите меня за то, что я часто лишь перевел отрывки из книг, которые цитируются авторами английского оригинала. Если это было возможно, тем не менее, я сам подбирал оригинальные немецкие названия книг, чтобы облегчить проверку сказанного здесь.

Указание авторского права здесь теперь обязательно: вы можете копировать и распространять это произведение, полностью или в отрывках, по собственному усмотрению, но вы должны сохранять указание на то, что я перевел эту книгу, и вы также должны соблюдать положения авторского права Фонда Free Congress Foundation для соответствующих отрывков.

Я посвящаю этот перевод моей семье и моим друзьям и знакомым, которым приходилось поддерживать меня во время моей работы и выслушивать мои длинные лекции о главных персонажах книги. Я также посвящаю эту книгу моему народу, который уже так часто страдал от идеологий, и для которого теперь наступает время осознать самого себя и свою силу и вместо того, чтобы пытаться улучшить весь мир, сконцентрироваться на улучшении своей исконной сферы влияния, нашего отечества.

Особую благодарность я хочу выразить Уильяму Линду, который любезно предложил свою помощь в случае проблем с переводом, Фонду Free Congress Foundation, который помог установить контакт с господином Линдом, и Каиросу, который вычитывал перевод.

Томас Фёлькер

Предисловие автора

Что такое «Political Correctness» (политическая корректность)? Следующая ниже книга, «История политической корректности», отвечает на этот вопрос. Мы в Фонде Free Congress Foundation полагаем, что каждому американцу следовало бы знать ответ на этот вопрос, поэтому мы выкладываем эту книгу на нашем сайте. Каждый посетитель может распечатать эту книгу для себя самого, для своей семьи и друзей, количество копий, которые вы можете сделать, не ограничено. Мы поощряем другие организации размещать текст этой книги на своих сайтах, тем не менее, просим их, чтобы они отправили короткое сообщение об этом Фонду Free Congress Foundation.

Уильям С. Линд,

*руководитель Центра культурного консерватизма
Фонда Free Congress Foundation*

Вступление

Рассел Кирк однажды написал, что одно из самых важных познаний консерваторов состоит в том, что все идеологии ошибочны. Идеологи берут какую-то придуманную систему, продукт труда одного или нескольких философов, и утверждают: «Эта система должна быть истинной». Но реальность неизбежно опровергает эту систему, обычно в растущем количестве моментов. Однако идеологии, и это лежит в их природе, не приспособляются к реальности; ибо если бы они это делали, то тем самым они упразднили бы самих себя.

По этой причине реальность нужно подавлять. Если у идеологов есть власть, то они используют эту власть, чтобы осуществить такое подавление. Они запрещают людям писать или говорить об определенных фактах. Целью является не только запретить высказывать мысли, которые противоречат тому, «что должно быть истинным», но даже думать такие мысли. Конечным результатом неминуемо станут концентрационные лагеря, ГУЛАГ и братские могилы.

Хотя несколько американцев и поверили в идеологии, но у самой Америки никогда не было официальной государственной идеологии – до сих пор. Но что происходит сегодня с теми американцами, кто считает, что между этническими группами существуют различия, или что традиционные общественные роли мужчин и женщин отражают различия в их природе, или что гомосексуализм ошибочен с моральной точки зрения? Если они – общественные фигуры, то они должны с бесконечными лицемерными извинениями униженно ползать на коленях по грязи. Если они – университетские студенты, то им грозят показательные процессы и, возможно, исключение из университета. А если они – служащие частных предприятий, то им угрожает потеря их рабочего места. В

чем же состоит их преступление? Их преступление состоит в том, что они противоречили новой государственной идеологии Америки, «политической корректности».

Но что точно такое эта «политическая корректность»? Марксисты используют это наименование уже как минимум последние 80 лет, как всеохватывающий синоним для «общего направления движения» (генеральной линии партии). Можно сказать, что политическая корректность – это сегодня генеральная линия американского истеблишмента, и определенно никто, кто осмеливается противоречить ей, не может быть членом этого истеблишмента. Но и это все еще не говорит нам, что такое эта политическая корректность на самом деле.

Эта маленькая книга, которую Фонд свободного конгресса решил разместить для всеобщего доступа на своем сайте в интернете, ищет ответ на этот вопрос. Она делает это единственным способом, с помощью которого можно понять идеологию, а именно: посмотрев на ее исторические корни, ее методы анализа и некоторые ключевые элементы, например, ее место в высшем образовании и ее связи с движением феминизма. В конце книги всем, кто хочет глубже изучить эту тему, предлагается библиография с комментариями.

Вероятно, самый важный вопрос, на который теперь должны ответить американцы, звучит так: «Действительно ли мы хотим, чтобы Америка стала идеологическим государством?» Так как консерваторы знают, куда приводят все идеологии, наш ответ снова и снова звучит: «Нет!» Но если мы хотим добиться победы и снова вернуть нашу страну к полной свободе слова и мысли, тогда мы должны знать нашего врага. Мы должны понимать, что такое политическая корректность на самом деле. И, как вы скоро увидите, мы, распознав подлинные корни и природу этой идеологии, сделаем первый гигантский шаг к победе над нею.

Уильям С. Линд

Глава 1. Что такое «политическая корректность»?

Автор Уильям С. Линд

Большинство американцев вспоминает 1950-е годы как хорошее время. Наши дома были в безопасности, собственно говоря, многие люди даже не заботились о том, чтобы запирать дверь на замок. Государственные школы были в основном замечательными, и проблемами, которые там возникали, были лишь такие вещи, как болтовня школьников на уроках или беготня по коридорам. Большинство мужчин обращались с женщинами как с дамами. А большинство женщин посвящали свое время и усилия украшению нашего домашнего очага, воспитанию детей и общественно-полезной работе для помощи своим общинам. Дети вырастали в домах с отцом и матерью, и мать всегда была дома,

когда дети приходили домой из школы. Развлечения были чем-то, чем могла наслаждаться вся семья.

Что произошло?

Если бы кто-то из Америки 1950-х внезапно оказался в Америке 2000-х годов, он едва ли узнал бы в ней ту же страну. Он оказался бы в непосредственной опасности, что его ограбят, украдут машину, или что произойдет что-то еще худшее, так как он не научился бы жить в постоянном страхе. Он не знал бы, что ему нельзя ходить в определенные районы городов, что машину не только нужно закрывать на ключ, но и оснастить системой сигнализации, и что перед тем, как пойти спать, он должен закрывать окна, запирают двери и включать электронную систему безопасности.

Если бы он привез с собой в наше время свою семью, то его жена, возможно, в радостном настроении собрала бы детей и отвезла их в ближайшую государственную школу. Но если бы потом дети во второй половине дня пришли домой и рассказали родителям, что они должны были пройти через металлическую рамку, чтобы попасть в здание школы, что они получили от другого ребенка веселый белый порошок, и что их учили тому, что гомосексуализм – это нормально и хорошо, то родители этого не поняли бы.

В офисе мужчина зажег бы сигарету, бросил бы замечание о «дамочке» и сказал бы, что он рад тому, что фирма взяла несколько негров на важные должности. Каждое из этих действий повлекло бы за собой скорый выговор, и все вместе они стали бы причиной его увольнения.

Если бы женщина пошла за покупками в город, то она надела бы красивое пальто и, возможно, также перчатки. Она не поняла бы, почему люди так уставились на нее и смеются над нею.

И если потом вся семья сидела бы вместе после ужина и смотрела телевизор, они не поняли бы, как порнография из дешевого, нейтрально выглядящего (т.е. с закрытыми витринами) «киоска для взрослых» попала в программу передач.

Если бы это было возможно для нее, нашей семьи из 1950-х, тогда они как можно скорее вернулись бы назад в их 1950-е годы, с интересной и ужасной историей, которую они могли бы там рассказать. Их история рассказывала бы о нации, которая с фантастической скоростью испортилась и выродилась, которая меньше чем за полвека превратилась из самой великолепной страны на Земле в страну третьего мира, охваченную преступностью, шумом, наркотиками и грязью. Крушение Римской империи было в сравнении с этим даже изящным.

Почему это произошло?

За последние сорок лет Америка была завоевана той же силой, которая ранее захватила Россию, Китай, Германию и Италию. Эта сила – идеология. Здесь, как и повсюду, идеология нанесла огромный вред традиционной культуре, в которую она пришла, чтобы господствовать над нею, она всюду разрушила культуру и вымела прочь многое из нее. На место культуры пришел страх и разрушение. России, например, понадобится одно поколение или даже больше, чтобы оправиться от коммунизма, если это ей вообще удастся.

Идеология, которая захватила Америку, обозначается обычно как «политическая корректность». Некоторые люди считают ее шуткой. Но это не так. Она чрезвычайно серьезна. Она пытается изменить почти все правила, формальные и неформальные, которые существуют между человеком и учреждениями. Она хочет изменить наше поведение, наши мысли, даже слова, которые мы используем. Большею частью она уже сделала это. Кто бы то ни был или что бы то ни было, что контролирует язык, контролирует также мысли. Кто сегодня, например, еще осмелится говорить о «дамах»?

Но что такое «политическая корректность»? Политическая корректность – это на самом деле культурный марксизм – марксизм, который был перенесен с экономического уровня на культурный. Попытка перенести марксизм с экономики на культуру началась не со студенческих бунтов в 1960-е годы. Ее корни уходят в 1920-е годы и в труды итальянского марксиста Антонио Грамши. В Германии группа марксистов основала тогда в 1923 году институт, который должен был посвятить себя осуществлению этого переноса, «Институт социальных исследований» (позже известный как Франкфуртская школа). Один из учредителей института, Дьёрдь (Георг) Лукач, описывал цель института как поиск ответа на вопрос: «Кто должен спасти нас от западной цивилизации?» Франкфуртская школа приобрела значительное влияние в американских университетах после того, как многие из ее ведущих представителей в 1930-х годах сбежали в Соединенные Штаты, чтобы ускользнуть от национал-социализма в Германии.

Франкфуртская школа комбинировала Маркса с Фрейдом, и более поздние влияния (как некоторые фашистские, так и марксистские) добавили к этому еще и языкознание, чтобы развить «Критическую теорию» и «деконструктивизм». Это, в свою очередь, очень сильно повлияло на теорию образования и через высшие учебные заведения привело к возникновению того явления, которое мы сегодня называем «политической корректностью». Истоки ее совершенно ясны, и их можно проследить до Карла Маркса.

Параллели между старым, экономическим марксизмом и культурным марксизмом очевидны. Культурный марксизм, т.е. политическая корректность, разде-

ляет с классическим марксизмом видение «бесклассового» общества, это значит, общества не равных возможностей, а равных условий для всех людей. Но так как это видение противоречит человеческой природе – все же люди независимо от исходного пункта развиваются по-разному, так как они разные – общество не хочет принимать такую общественную форму, если только людей не принуждают к ней. В обоих вариантах марксизма равенство навязано насильно. Это первая большая параллель между классическим и культурным марксизмом: оба они – тоталитарные идеологии. Тоталитарную природу политической корректности можно увидеть в университетах, в которых она пришла к власти: свобода слова, прессы и мыслей там полностью упразднена.

Вторая большая параллель состоит в том, что как экономический, так и культурный марксизм объявляет историю одномерной. Классический марксизм утверждает, что на всю историю влияла лишь собственность на средства производства. Культурный марксизм говорит, что историю можно полностью объяснить, рассмотрев вопрос о том, какие группы господствовали над другими – и под группами понимаются пол, раса и сексуальная нормальность или ненормальность.

Третья параллель состоит в том, что оба вида марксизма объявляют определенные группы априори хорошими, а другие плохими, и это независимо от реального нынешнего поведения их членов. Классический марксизм объявлял рабочих и крестьян хорошими, а буржуазию (средний класс) и других собственников производственного капитала плохими. Культурный марксизм определяет черных, латиносов, женщин-феминисток, гомосексуалистов и несколько других меньшинств хорошими, а белых мужчин плохими. Политическая корректность практически не признает существование также нефеминистских женщин и, с другой стороны, те чернокожие, которые отвергают политкорректность, считаются белыми.

(Типичный пример – для сторонников политкорректности белый мужчина Билл Клинтон – априори хороший, так как «левый», а черная женщина Кондолиза Райс – априори плоха, поскольку исповедует правые республиканские взгляды. – прим. перев.)

Четвертая параллель касается используемого средства: экспроприации. Экономические марксисты там, где они имели власть, отчуждали собственность буржуазии и огосударствляли ее, якобы как «представители» рабочих и крестьян. Культурные марксисты, если они у власти, поступают аналогично – даже в нашем правительстве: они вводят штрафы для белых мужчин и других, кто не согласен с ними, и добиваются привилегий для «хороших» с их точки зрения групп. Положительная дискриминация – вот пример этого.

И, в конце концов, оба вида марксизма используют такие методы анализа, которые должны подтвердить правильность их идеологии в любой ситуации.

Классические марксисты используют здесь экономический анализ. Культурные марксисты используют лингвистический метод анализа, «деконструкцию». Посредством деконструкции «доказывается», что любой «текст», старый или новый, иллюстрирует угнетение чернокожих, женщин, гомосексуалистов и т.д. – и для этого используется способ, при котором это значение искусственно вносится в интерпретацию слов текста, независимо от их фактического значения. Оба метода – это, само собой разумеется, лишь псевдоанализы, которые извращают и искажают факты, чтобы прийти к заранее заданным выводам, но они придают идеологиям внешние признаки «научности».

Эти параллели отнюдь не необычны, и не случайны. Они существуют, так как политическая корректность произошла непосредственно из классического марксизма, фактически она является вариантом марксизма. В прошлом «отбор» культурных марксистов из марксистского движения происходил благодаря классическим марксистам. Но сегодня, когда экономический марксизм мертв, культурный марксизм незаметно оказался на его месте. Средство изменилось, но послание осталось тем же самым: общество радикального равенства, к которому насильственно принуждает власть государства.

Сегодня политкорректность как шторм пронесется над американским обществом. Она захватила власть в обеих политических партиях – недавние республиканские мероприятия организовывались по ее диктату, в то время как культурным консерваторам указали на дверь – и проводится в жизнь с помощью законов и правительственных постановлений. Она контролирует самый могущественный элемент нашей культуры, индустрию развлечений. Она доминирует как в школах, так и в университетах: кампусы многих университетов – это маленькая, покрытая плющом Северная Корея. Даже высокопоставленные клирики во многих христианских церквях поражены ею. Любой член истэблишмента, который попытается вырваться из-под ее диктата, очень быстро перестает быть членом истэблишмента.

Оставшаяся часть этой книги разрабатывает тему политической корректности глубже: ее историю, ее методы анализа (деконструкция) и способы, благодаря которым она приобрела свое влияние, особенно в народном образовании.

Но в начале книги нужно задать еще один вопрос, самый важный вопрос вообще: как американцы могут преодолеть политическую корректность и снова отвоевать свое общество у культурных марксистов?

Недостаточно только критиковать политическую корректность. Она стерпит массу критики, даже легкие насмешки. Она делает это не из-за подлинной терпимости к другим точкам зрения, а чтобы обезоруживать своих противников. Она хочет казаться менее опасной, чем она является на самом деле. У культурных марксистов еще нет полного контроля, и они слишком хитры,

чтобы выглядеть тоталитарными уже сейчас, когда их власть еще не гарантирована.

Поэтому те, кто хочет победить политическую корректность, должны сопротивляться ей. Они должны использовать слова, которые она запрещает, и избегать слов, которые она навязывает; вспомните, что слово «пол» лучше, чем слово «гендер». Они должны громко кричать о фактах, о реальности, которую она пытается подавить, со всех крыш, например, о фактах, что чернокожие совершают непропорционально большое количество насильственных преступлений, и что подавляющее большинство случаев СПИДа обусловлено поведением, например, аморальными сексуальными действиями. Они должны препятствовать тому, чтобы их дети ходили в государственные школы.

Но самое важное состоит в том, что те, кто хочет бороться с политкорректностью, должны вести себя по традиционным правилам нашей культуры, а не в соответствии с теми новыми правилами, которые записали культурные марксисты. Дамы должны быть супругами и домохозяйками, не полицейскими или солдатами, и мужчины все еще должны придерживать двери перед дамами. Дети не должны рождаться вне брака. Открытого гомосексуализма следует остерегаться и избегать. Судьи не должны принимать происхождение как смягчающее обстоятельство в случае убийства.

Сопротивление распространяется. Если другие американцы видят, как кто-то сопротивляется политкорректности и остается жив – и вы еще можете это в данный момент – тогда это укрепляет их. Тогда они тоже попытаются сопротивляться, и некоторые уже делают это. Волны от одного единственного акта сопротивления, кого-то, кто сопротивляется этому Голему и бьет его по носу, могут подняться высоко. Политическая корректность ничего не боится больше, чем сопротивления, и по хорошей причине: сопротивление наносит ей удар там, где она наиболее уязвима. Это должно было бы привести культурных консерваторов к тому, чтобы на каждом шагу бороться против культурного марксизма.

Даже если кажется, что уже поздно, исход борьбы еще не решен. Очень немногие американцы осознают, что политкорректность – это в действительности марксизм в новом одеянии. Если это понимание распространится, то вместе с ним распространится и сопротивление. Теперь политическая корректность процветает, так как она маскируется. С помощью сопротивления, и, естественно, образования без культурно-марксистских догм (которое должно стать частью каждого акта сопротивления), мы сможем смыть с политкорректности ее «камуфляж» и разоблачить марксизм за болтовней о «чувствительности», «терпимости» и «мультикультурализме».

Тот, кто осознает свой долг, побеждает.

(В англоязычном оригинале употреблен девиз британских войск спецназначения SAS «Who dares, wins» – «Отважный побеждает». – прим. перев.)

Глава 2. Исторические корни «политической корректности»

Автор Рэймонд В. Рэн

В сегодняшней Америке господствует чуждая система мнений, взглядов, позиций и ценностей, которую мы привыкли называть политической корректностью. Политическая корректность пытается ввести единообразие мыслей и поведения среди всех американцев, и поэтому она тоталитарна по своей природе. Ее корни лежат в одном из подвидов марксизма, который стремится к радикальному изменению традиционной культуры, чтобы вызвать тем самым социальную революцию.

У революций есть длинная история, они снова и снова появлялись со времен «Республики» Платона. Но именно Французская революция 1789 года вдохновила Карла Маркса в девятнадцатом столетии на развитие его теорий. В двадцатом столетии успех большевистской революции в России вызвал в марксистском движении в Европе и Америке волну оптимистичных ожиданий, что новый пролетарский мир равенства теперь, в конце концов, наступит. Россия, как первая коммунистическая нация в мире, должна была привести революционные силы к победе.

Марксистские революционные силы в Европе ухватились за эту возможность. После окончания Первой мировой войны в Берлине произошло коммунистическое восстание Союза Спартака, которым руководила Роза Люксембург; Курт Эйсер основал «советскую республику» в Баварии. А в 1919 году в Венгрии появилась Венгерская коммунистическая республика во главе с Бела Куном. В то время были большие опасения, что Европа падет под знамена большевизма. Это чувство надвигающейся гибели было пробуждено к новой жизни с вторжением Красной армии Троцкого в Польшу в 1919 году.

Однако Красная армия была в 1920 году разбита польскими войсками в битве на Висле. «Спартаконцам», Баварской советской республике, и правительству Бела Куна всем троим не удалось получить широкую поддержку рабочих, и по прошествии короткого времени они все были свергнуты. Из-за этих событий марксистские революционеры оказались в затруднительном положении. Согласно экономической теории Маркса, угнетенные рабочие рассматривались как люди, получающие наибольшую пользу от социальной революции, которая поставит их на вершину структуры власти. Но когда теперь возникали шансы для революции, рабочие на это не реагировали. Марксисты обвиняли в этих неудачах не свою теорию. Они винули рабочих.

И теперь одна группа марксистских интеллигентов попробовала выйти из этого затруднительного положения с помощью того, что они, в отличие от Маркса, стали исследовать не экономический порядок общества, а его культурную надстройку. Итальянский марксист Антонио Грамши и венгерский марксист Дьёрдь (Георг) Лукач внесли наибольший вклад в создание этого нового культурного марксизма.

Антонио Грамши работал в 1923-24 в Москве и Вене для Коммунистического Интернационала (Коминтерна). Позже он был арестован и сидел в одной из тюрем Муссолини, там он написал свои ныне знаменитые «Тюремные тетради». Среди марксистов Грамши известен своей теорией культурного господства как средства классового доминирования. С его точки зрения, сначала нужно было создать нового «коммунистического человека», прежде чем политическая революция будет возможна. Это, в свою очередь, привело к тому, что эти интеллектуалы усиленно посвятили себя сферам образования и культуры. Грамши представлял себе долгий марш через общественные институты, т.е. правительство, органы правосудия, армию, школы и средства массовой информации. Он также сделал вывод, что, до тех пор, пока рабочие остаются христианами, они не станут реагировать на революционные призывы.

Антонио Грамши (1891-1937)

Дьёрдь (Георг) Лукач был сыном состоятельного венгерского банкира. Лукач начал свою политическую карьеру как сотрудник Коминтерна. Книга Лукача «История и классовое сознание» принесла ему славу самого выдающегося марксистского теоретика после самого Маркса. Лукач полагал, что для появления новой марксистской культуры нужно разрушить существующую культуру. Он, среди прочего, говорил: «Я видел в революционном разрушении общества единственное решение культурных противоречий эпохи» и «Такая всемирная переоценка ценностей невозможна без уничтожения старых ценностей и создания новых революционным путём».

Когда он в 1919 году стал заместителем народного комиссара просвещения в большевистском правительстве Бела Куна в Венгрии, Лукач начал осуществлять программу, которая стала известна как культурный терроризм. Как часть этой программы он ввел в венгерских школах радикальную программу сексуального образования. Венгерским детям рассказывали о свободной любви и сексуальных отношениях и также учили их тому, что семейный кодекс среднего класса архаичен, моногамия устарела, а религия, которая скрывала от людей все мирские радости, не имеет значения. Женщин также призывали восстать против нравов и обычаев времени. Кампания культурного терроризма Лукача была предшественницей того, что позже политическая корректность принесла в американские школы.

Дьёрдь (Георг) Лукач (1885-1971)

В 1923 году Лукач и другие интеллектуалы, которые были членами Коммунистической партии Германии, основали Институт социальных исследований во Франкфуртском университете (Франкфурт-на-Майне). Институт, который прославился как Франкфуртская школа, подражал Институту Маркса и Энгельса в Москве. В 1933 году, когда национал-социалисты захватили власть в Германии, члены Франкфуртской школы убежали. Большинство из них приехали в Соединенные Штаты.

Члены Франкфуртской школы проводили бесчисленные исследования о мнениях, взглядах, позициях и ценностях, которые, по их мнению, были ответственны за возникновение национал-социализма и его приход к власти в Германии. Эти исследования комбинировали марксистский анализ с фрейдистским психоанализом, что привело к созданию того, что позже стало известно как «Критическая теория». Критическая теория была, по сути, деструктивным критиканством, направленным против основных элементов западной культуры. Особым нападкам, среди прочего, подвергались христианство, капитализм, власть, укорененные в обществе представления об авторитете, семья,

патриархат, иерархия, мораль, традиции, сексуальное воздержание, лояльность, патриотизм, национализм, генетика, этноцентризм, обычаи и консерватизм. Критика всех этих вещей, вместе известная как «Критическая теория», разрабатывалась в произведениях Франкфуртской школы, как например, в «Бегстве от свободы» и «Догмате о Христе» Эриха Фромма, «Психологии масс и фашизме» Вильгельма Райха и в «Исследовании авторитарной личности» Теодора Адорно.

Книга «Исследование авторитарной личности», опубликованная в 1950 году, оказала особенно сильное влияние на американских психологов и социологов. Содержание книги основывалось на предположении, что наличие христианства, капитализма и авторитарно-патриархальной семьи якобы формировали предрасположенность человека к расовым предрассудкам и немецкому фашизму. «Исследование авторитарной личности» стало руководством для национальной кампании против всех форм предубеждений и дискриминации. Эта кампания опиралась на теорию, что, мол, если эти «злые» вещи не будут устранены, то на американском континенте может случиться второй Холокост. Эта кампания, в свою очередь, стала фундаментом для политической корректности.

Критическая теория содержит различные подчиненные ей частные теории, которые должны были изменить специфические элементы существующей культуры, устраняя из нее определенные части. Это были «теория матриархата», «теория андрогинности», «теория личности», «теория власти», «теория семьи», «сексуальная теория», «расовая теория», «теория права» и «литературная теория». Эти теории после их внедрения в практику должны были использоваться для того, чтобы свергнуть доминирующий общественный порядок и вызвать социальную революцию, основывающуюся на культурном марксизме.

Сторонники Критической теории во Франкфуртской школе осознавали, что традиционные религиозные принципы и взгляды и существующая общественная структура должны быть разрушены и заменены, прежде чем эта цель может быть достигнута. Патриархальная общественная структура должна была быть заменена матриархальной; вера, что мужчины и женщины различны и поэтому исполняют различные роли, должна была быть заменена андрогинностью; и точку зрения, что гетеросексуальность нормальна, должна была заменить вера в то, что гомосексуализм тоже «нормален».

Как основное мероприятие, чтобы отнять у белых гетеросексуальных мужчин любую свойственную им ценность, приверженцы Критической теории применили теории троцкистов к этническим и сексуальным противоречиям. Лев Троцкий полагал, что угнетенные чернокожие будут авангардом коммунистической революции в Америке. Он ругал белых рабочих за то, что они сохраняли предубеждения о чернокожих, и требовал от них объединиться с черно-

кожими в революции. Идеи Троцкого были позже подхвачены многими студенческими вождями движения контркультуры в 1960-х, которые пытались представить чернокожим многие ответственные позиции в их движении.

На студенческих революционеров также очень сильно повлияли идеи Герберта Маркузе, еще одного члена Франкфуртской школы. Маркузе проповедовал «Великий отказ» (неприятие всех основных западных концепций), сексуальную свободу и ценность сопротивления феминисток и негров. Его первоначальный тезис был, что университетские студенты, негры из гетто, отчужденные, асоциальные элементы и третий мир могли бы занять место пролетариата в коммунистической революции. В своей книге «Эссе об освобождении» Маркузе представил свои цели радикального переворота ценностей: отмена табу, культурный переворот, Критическую теорию, и революцию в области лингвистики, которая должна была привести к методическому изменению значений используемых слов. О расовом конфликте Маркузе писал, что белые мужчины виновны, и черные представляют собой самую естественную силу мятежа.

Герберт Маркузе (1898-1979)

Маркузе, вероятно, самый важный член Франкфуртской школы, если говорить об истоках политической корректности, так как он представляет собой критически важную связь с контркультурой 1960-х годов. Цель была ясна: «Можно и нужно с уверенностью говорить о культурной революции, поскольку протест направлен против культурного истэблшмента в целом, включая представления о морали существующего в наше время общества...» Его намерением было освободить могущественную архаичную силу сексуальных отношений от ее цивилизационных барьеров, послание, которое он проповедовал в своей появившейся в 1955 году книге «Эрос и цивилизация». Маркузе был самым важным гуру сексуального мятежа молодежи в 1960-х; он сам создал лозунг «Делайте любовь, а не войну». С этой ролью цепочка марксистского влияния на молодежь через Франкфуртскую школу была полностью завершена: от службы

Лукача на посту заместителя наркома просвещения в 1919 году до американских студентов, которые сжигали американский флаг в 1960-е годы и захватывали административные здания университетов. Сегодня многие как раз из этих университетов, затронутых тогда теми событиями, являются бастионами политкорректности – и бывшие студенческие радикалы стали частью преподавательского состава.

Одним из людей, которые внесли самый большой вклад в политическую корректность, была Бетти Фридан. В своей книге «Тайна женственности или самоосвобождение женщины. Программа эмансипации» она связала феминизм и теорию Абрахама Маслоу о самоактуализации (самовыражении). Маслоу был социальным психологом, который в молодости занимался исследованиями о доминировании женщин и сексуальности. Маслоу был другом Маркузе в Университете Брендэйса и познакомился с Эрихом Фроммом в 1936 году. На него оказала сильное воздействие идеология Франкфуртской школы Фромма. В 1944 году им была опубликована статья «Структура авторитарного характера», которая отражала теорию личности в рамках Критической теории. Также на Маслоу произвели впечатление труды Вильгельма Райха, который был еще одним автором теории личности Франкфуртской школы.

Бетти Фридан (1921-2006)

Абрахам Маслоу (1908-1970)

Значение исторических корней политической корректности нельзя осознать полностью, не поняв революцию сексуального перераспределения ролей Бетти Фридан как то, чем она являлась: проявлением социально-революционного процесса, который был начат Карлом Марксом. Ссылки Фридан на размышления Абрахама Маслоу об идеологии Франкфуртской школы – это только один индикатор этого. Другие – это совпадение революции сексуального перераспределения ролей Фридан с намерениями Дьёрдя Лукача уничтожить старые ценности и создать новые, и с переоценкой ценностей Герберта Маркузе. Но идею преобразования патриархата в матриархат – а это точно то, что должна была вызвать полная смена специфических половых ролей – можно проследить до книги Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Эта книга впервые была опубликована в 1884 году и популяризовала принятое сегодня феминистское представление, что глубоко укорененная дискриминация против угнетенного женского пола – это орудие патриархата. Вера в то, что матриархат – это решение проблемы патриархата, происходит от комментариев Маркса к появившейся в 1845 книге «Die deutsche Ideologie» («Немецкая идеология»). В этой книге Маркс развивает предположение, что женщины и дети – это самое важное владение патриархальных мужчин. Матриархальная теория Франкфуртской школы и родственная ей теория андрогинности, они обе происходят из этих источников.

Когда сторонники политической корректности – или культурного марксизма, если вы хотите использовать правильное название – обращаются к широкой общественности, то они представляют свои намерения в очень привлекательном виде. Они говорят, что все это только вопрос «чувствительности» по от-

ношению к другим людям. Они используют такие слова как «терпимость» («толерантность») и «разнообразие» и спрашивают: «Почему мы все не можем уживаться друг с другом?»

Однако реальность выглядит совершенно иначе. В политической корректности речь идет вовсе не только о том, чтобы «быть добрым и милым», во всяком случае, нет, если вы, конечно, не думаете, что ГУЛАГи были милыми и добрыми учреждениями. Политическая корректность – это марксизм, причем со всеми его последствиями: потерей свободы слова, контролем мыслей, полным изменением общественного устройства и, в конце концов, тоталитарным государством. Вообще созданный Франкфуртской школой культурный марксизм вызывает намного большие опасения, чем старый, экономический марксизм, который разорил Россию. По меньшей мере, экономические марксисты не прославляли сексуальные извращения и не пытались ввести матриархат, как это делает Франкфуртская школа и ее апостолы.

Эта короткая статья пытается показать критическую связь между классическим марксизмом и продуктами «культурной революции», которая вспыхнула в Америке в 1960-е годы. Следующие ниже дополнения представляют собой что-то вроде «плана строительства», который в значительной степени помогает следить за развитием, и позволяют бросить несколько более детальный взгляд на некоторых из основных действующих лиц. Конечно, эти процессы не закончились в 60-е годы, работы Франкфуртской школы все еще среди нас, особенно в сфере народного образования. Этой теме и другим сегодняшним воздействиям мыслей и деятельности Франкфуртской школы посвящены следующие главы этой книги.

Краткие характеристики

Дьёрдь (Георг) Лукач

Начал свою политическую карьеру как сотрудник Коммунистического Интернационала в Кремле

Его произведение «История и классовое сознание» привело к тому, что он воспринимался как ведущий марксистский теоретик после Карла Маркса

В 1919 году он был заместителем народного комиссара просвещения в большевистском режиме Бела Куна в Венгрии. Он ввел программу, которая стала известна как «культурный терроризм».

«Культурный терроризм» был предшественником того, что произошло позднее в американских школах.

Он начал «взрывную» программу сексуальную воспитания. В венгерских школах организовывались специальные лекции, и печатались и распространялись книги, целью которых было рассказать школьникам о свободной любви, природе сексуальных взаимоотношений, об архаичной сущности буржуазных семейных манер, об устарелости моногамии, о несущественности религии, которая якобы лишала людей всех радостей. Детей призывали отвергать авторитет родителей и церкви и насмехаться над ними, и игнорировать правила морали. Из них так просто и стихийно воспитывали преступников, с которыми могла справиться только лишь полиция. Эту попытку вызвать мятеж детей сопровождала попытка вызвать мятеж также среди венгерских женщин.

Отвергая обвинения, что большевизм разрушит цивилизацию и культуру, Лукач говорил: «Такая всемирная переоценка ценностей невозможна без уничтожения старых ценностей и создания новых революционным путём».

Настроение Лукача лучше всего показывают его собственные слова:

* «Теперь все общественные силы, которые я ненавидел с моей юности, и которые я в душе стремился уничтожить, все сошлись вместе и развязали Первую мировую войну».

* «Я видел в революционном разрушении общества единственное решение культурных противоречий эпохи».

* «Вопрос состоит в том, кто освободит нас от ярма западной цивилизации?»

* «Каждое политическое движение, которое может привести большевизм на запад, должно будет быть «демоническим».

* «Отказ от веры в неповторимость души решает проблему высвобождения дьявольских сил, которые прячутся во всех этих актах насилия, которые нужны для создания революции».

Умонастроение Лукача было типичным для представителя революционного марксистского движения.

На одной тайной встрече в 1923 году в Германии Лукач предложил концепцию вызвать «культурный пессимизм», чтобы усилить в людях на Западе чувства безнадежности и отчужденности, что должно было стать необходимыми предпосылками для революции.

Эта встреча привела в 1923 году к основанию во Франкфуртском университете Института социальных исследований – организации марксистских и коммунистически ориентированных психологов, социологов и интеллектуалов, которая позже стала известна как Франкфуртская школа и посвятила себя реализации программы Дьёрдя Лукача.

Антонио Грамши

Итальянец Грамши был марксистом, по интеллекту не уступающим Дьёрдю Лукачу. После анализа ситуации относительно критической важности интеллектуалов для раздувания революции на Западе он пришел к тем же выводам, что и Лукач и Франкфуртская школа.

После большевистской революции 1917 года Грамши приехал в Советский Союз и производил там точные наблюдения, после которых он сделал вывод, что рабочие на Западе из-за их христианской веры не смогут осуществить мятеж большевистского типа.

Антонио Грамши был руководителем Итальянской коммунистической партии и из-за этого оказался в 1930-х годах в тюрьмах Муссолини; там он написал «Тюремные тетради» и другие произведения.

Эти произведения были переведены на другие языки и таким образом стали доступны американцам на английском языке.

Его советом интеллектуалам было, что они должны были начать долгий марш через образовательные и общественные учреждения наций, чтобы создать нового советского человека, прежде чем могла бы произойти успешная политическая революция.

Это отражало его наблюдения в Советском Союзе, руководители которого не смогли создать такого нового советского человека после большевистской революции.

Этот план изменения духа и характера сделал Грамши героем революционного марксизма в американском народном образовании и закрепил путь к созданию «нового американского ребенка» в школах образовательной корпорации.

Существенная природа революционной стратегии Антонио Грамши отчетливо проявляется в работе Чарльза А. Райха «The Greening of America»: «Революция приближается. Она не будет похожа на революции прошлого. Она будет исходить из индивидуума и культуры, и она изменит политическую структуру в качестве своего финального действия. Ей для ее успеха вовсе не понадобится насилие, и ей нельзя будет успешно сопротивляться с помощью насилия. Это – революция «Нового поколения»».

Вильгельм Райх

В его появившейся в 1933 году книге «Психология масс и фашизм» Вильгельм Райх объяснил, что Франкфуртская школа отделилась от марксистской социо-

логии, которая рассматривает буржуазию как противника пролетариата. Вместо этого борьба будет происходить между «реакционными» и «революционными» силами.

Кроме того, он написал книгу «Сексуальная революция», которая была предвестником событий 1960-х годов.

Вильгельм Райх (1897-1957)

Его «сексуально-экономическая» социология была попыткой объединить психологию Фрейда с экономической теорией Маркса.

Райх выражал свою теорию следующими словами: «Авторитарная семья есть авторитарное государство в миниатюре. Авторитарный характер людей порождается преимущественно приложением сексуальных препятствий и страха в живой субстанции сексуальных импульсов. Семейный империализм воспроизводится идеологически как национальный империализм [...] авторитарная семья [...] это фабрика, которая производит реакционные структуры и идеологии».

Теория Вильгельма Райха, если она комбинируется с сексуальным воспитанием Дьёрдя Лукача в Венгрии, может рассматриваться как источник упорной настойчивости американской образовательной корпорации на сексуальном воспитании, начиная с детского сада, и полного отрицания ею отцовской семьи, внешнего авторитета и традиционной структуры характера.

Теория Райха охватывает также другие утверждения, которые, очевидно, вошли в число принципов американского образования:

* Организованный религиозный мистицизм христианства – это элемент авторитарной семьи, который якобы привел к фашизму.

- * Патриархальная власть внутри и вне мужчины должна быть развенчана.
- * Революционная сексуальная политика будет означать полный коллапс авторитарной идеологии.
- * Контроль рождаемости – это революционная идеология.
- * Мужчина – это, в принципе, сексуальное животное.

«Психология масс и фашизм» Райха вышла в 1991 году в ее девятом издании и продается в большинстве университетских книжных магазинов.

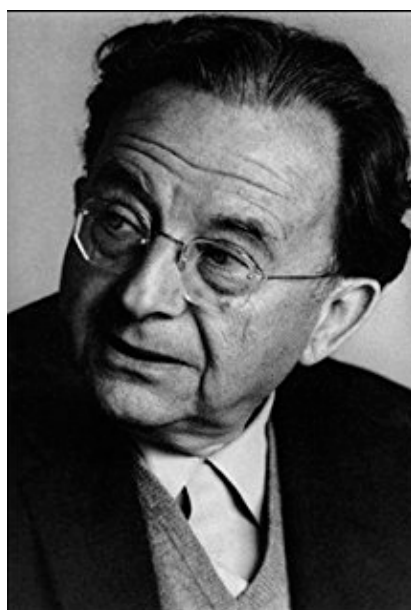
Эрих Фромм

Как и Вильгельм Райх, Фромм был социальным психологом Франкфуртской школы и в 1930-е годы приехал в Америку.

Появившаяся в 1941 году книга «Бегство от свободы» – это идеологическое дополнение труда Вильгельма Райха «Психология масс и фашизм».

Фромм утверждал, что ранний капитализм породил общественное устройство, которое взрастило садомазохистский и авторитарный характер, лучшими примерами которого были Мартин Лютер и Адольф Гитлер.

Он предполагал, что тот же самый капиталистический общественный порядок привел к теории предопределения Кальвина, которая со своей стороны отражала принцип фундаментального неравенства, снова возродившийся в национал-социалистической идеологии.

Эрих Фромм (1900-1980)

Далее он утверждал, что авторитарный характер якобы понимает только доминирование или подчинение, и что «различия, будь то сексуальные или проистекающие из происхождения, которые важны для него, обязательно воспринимаются им как высшая или низшая значимость» (превосходство или неполноценность).

Он утверждал, что «позитивная свобода» требует принципа, что не существует более высокой силы, чем неповторимое индивидуальное «Я», что человек – это центр и смысл жизни, и что увеличение и реализация человеческой индивидуальности – это цель, которая никогда не может подчиняться другим целям, которые могли бы обладать большим достоинством.

Фромм ясно изложил истинное значение «позитивной свободы» в другой своей книге, а именно в «Догмате о Христе», описывая революционные характеры вроде самого себя как людей, которые сами оторвались от уз кровного родства и родины, от матери и отца и от особенной лояльности государству, этносу, социальному окружению или религии.

Фромм очень четко описывает свои революционные намерения в «Догмате о Христе»: «Мы можем определить революцию в психологическом смысле, если мы скажем, что революция – это политическое движение, которое осуществляется людьми с революционным характером и привлекает людей с революционным характером».

Герберт Маркузе

Маркузе был, так же, как Вильгельм Райх и Эрих Фромм, интеллектуалом Франкфуртской школы, который в 1930-х годах приехал в США.

Маркузе часто описывали как марксистского философа, но на самом деле он был чистокровным социальным революционером, который размышлял над разрушением американского общества, точно так, как Карл Маркс и Дьёрдь Лукач размышляли над разрушением общества Германии: «Можно и нужно с уверенностью говорить о культурной революции, поскольку протест направлен против культурного истэблишмента в целом, включая представления о морали существующего в наше время общества. [...] Есть одна вещь, которую мы можем сказать с полной уверенностью: традиционная революционная идея и принадлежащая к ней революционная стратегия закончены. Эти идеи устарели. [...] Нашим намерением должно быть что-то вроде диффузной и распределенной дезинтеграции [общественной] системы».

Его труд «Эрос и цивилизация» был опубликован в 1955 году. Эта книга стала основанием для контркультуры 1960-х и привела Франкфуртскую школу в колледжи и университеты Америки.

Маркузе утверждал, что единственным способом вырваться из одномерности современного промышленного общества было освободить эротическую сторону мужчины, чувственный инстинкт, в мятеже против «технологической рациональности».

Это «эротическое освобождение» было важнейшей частью «Великого отказа», всеобъемлющего неприятия «капиталистического монстра» и всех его действий, включая его технологическую основу и его ритуально-авторитарный язык.

Он подготовил необходимое для сексуальной революции молодежи интеллектуальное оправдание и девиз «Делайте любовь, а не войну».

Его теория содержала также предположение, что женское движение – самый важный, и, возможно, также самый радикальный компонент [общественной] оппозиции.

Его [общественно-] революционные намерения должны были привести к всеобъемлющей борьбе революционных марксистов против европейских белых мужчин в школах и высших учебных заведениях.

Теодор Адорно

Адорно был еще одним марксистским революционером и членом Франкфуртской школы, который тоже в 1930-х годах приехал в Америку.

Вместе с другими Адорно был автором опубликованной в 1950 году книги «Исследование авторитарной личности».

Теодор Адорно (1903-1969)

На книгу Адорно повлияли те же теоретические утверждения, которые уже были высказаны в трудах Вильгельма Райха, Эриха Фромма и Герберта Маркузе, основывавшихся на проводившихся с 1923 года аналитических исследованиях немецкого общества.

Основной темой всегда была одна и та же: существовало нечто вроде авторитарного характера, который якобы представлял собой противоположность революционного характера, к которому следовало стремиться. Этот авторитарный характер – это продукт капитализма, христианства, консерватизма, патриархальной семьи и сексуального подавления. Согласно теории Франкфуртской школы, эта комбинация привела в Германии к предубеждениям, антисемитизму и фашизму.

Поэтому большинство американцев и их представления якобы также были продуктами капитализма, консерватизма, патриархальной семьи и сексуального подавления в их молодости. Так Теодор Адорно и другие члены Франкфуртской школы получили большой шанс реализовать программу Антонио Грамши и Дьёрдя Лукача для создания социальной революции в Америке вместо Германии.

Они постулировали существование авторитарных личностей среди американцев с тенденциями к предубеждениям и использовали это, чтобы добиться «научно спланированного перевоспитания» американцев – и все это с объяснением, что, мол, это происходит для устранения предубеждений.

Это научно спланированное перевоспитание стало впоследствии всеобъемлющим планом с целью извратить фундаментальную систему ценностей Америки в американском народном образовании, превратив ее в революционную противоположность, чтобы сделать школьников копиями революционных характеров Франкфуртской школы и создать таким образом «нового американского ребенка».

Эти высказывания можно проверить, сравнив используемую образовательной корпорацией в качестве директивы вышедшую в 1964 книгу Бенджамина Блума «Taxonomy of Educational Objectives» («Таксономия целей образования») с «Исследованием авторитарной личности» Адорно. При этом отчетливо станет видно, что последний труд был важным источником первого.

Глава 3. Политическая корректность в высшем образовании

Автор **Т. Кеннет Крибб, мл.**

Вступление

В растущем количестве университетов в наше время разрушается свобода высказывать свои мысли и обсуждать их – краеугольный камень среднего и высшего образования со времен Сократа – и разрушается она с тревожной скоростью. Посмотрите только на одну растущую тенденцию: сотни (иногда тысячи) экземпляров консервативных студенческих газет снова и снова похищались или публично сжигались радикальными [марксистско-левыми] студентами. Во многих случаях это происходило с безмолвного одобрения преподавательского состава и руководства университетов. Виновников почти никогда не наказывают.

Хотя было бы легко отмахнуться от таких «демонстраций толерантности» как от студенческих проказ, можно увидеть, что эти инциденты – это очевидные проявления всепроникающего и коварного процесса – процесса, целью которого является уничтожение той либеральной традиции, которая, в конечном счете, помогла создать и сохранить западную цивилизацию.

Хотя некоторые эксперты утверждают, что распространенность известной как политическая корректность идеологической нетерпимости преувеличена, противоположность гораздо ближе к правде. Политическая корректность так глубоко укоренилась в американской высшей школе, что во многих университетах уже царит атмосфера неуверенности и мрачных предчувствий. Теперь все растущее количество определенных студентов и преподавателей живет в страхе, что великие инквизиторы политкорректности могут оценить их интеллектуальные поиски истины как нападение.

Средства, которые использует политическая корректность, хорошо известны: атаки на учебную программу во имя «мультикультурализма», насильственное навязывание ограничительных и скрывающих «языковых кодов» и обязывающие «тренировки повышенной чувствительности» для студентов первого семестра, что лишь немного отличается от систематических попыток идеологической обработки. Но влияние политической корректности возросло также во многих других областях – с вызывающими тревогу результатами. Давайте рассмотрим некоторые из недавних инцидентов на университетских полях битвы.

В Амхерстском колледже в Массачусетсе группа студентов-гомосексуалистов обрисовала пешеходные дорожки университета граффити, включая изречение «Гомосексуалист по Божественному праву», которое было разбрызгано в страстную пятницу перед капеллой кампуса. Когда впоследствии в Amherst

Spectator, консервативной студенческой газете, эта мазня была раскритикована как «способствующая ненависти и раздорам», протестующие студенты публично сожгли экземпляры этого номера газеты.

Когда Cornell Review, другая консервативная студенческая газета, напечатала пародию на описание курса сильно политизированного Africana Department (факультета африканистики) Корнеллского университета, агрессивные студенты заблокировали движение в середине университетской территории на несколько часов и сжигали украденные экземпляры газеты в металлической корзине для бумаги. Агрессивные активисты далее потребовали, чтобы университет предусмотрел курсы «повышенной чувствительности к другим расам» для студентов первого семестра, ввел обязательные языковые правила (speech codes) и выделил большие суммы денег на содействие меньшинствам, как, например, на студенческие общежития, предусмотренные исключительно для чернокожих.

Студенты, которые принимали участие в программе ROTC (курсы подготовки офицеров запаса), рассказывали друзьям и членам своих семей, что они боятся ходить на занятия в военной форме, так как их оценки произвольно исправлялись в худшую сторону членами преподавательского состава, враждебно настроенными к военным.

Вследствие потока жалоб из-за сексуальных домогательств, которые радикальные феминистки подавали против их предполагаемых врагов, профессора начали заключать договора страховки, чтобы самим защититься от уничтожающего финансового бремени злонамеренных и несерьезных процессов.

С помощью специальной анкеты профессоров Массачусетского университета опрашивают о том, какой «вклад в мультикультурализм» они внесли. Эта анкета затем используется для принятия решений о постоянных профессорских должностях и о карьерном росте преподавателей.

Всегда нужно помнить о том, что на каждый драматичный и ставший известным широкой публике пример политической корректности приходится бесчисленные другие инциденты, которые происходят в секрете от широкой ответственности, но они от этого не менее реальны.

Истоки политической корректности в высшем народном образовании

Хотя идеология политической корректности, естественно, не ограничена нашими университетами, нет сомнений, что она произошла именно оттуда. Интеллектуальные корни этого феномена уходят на столетия в прошлое. В конечном счете, можно проследить истоки политкорректности до появления идеологии модерна и ее притязаний на власть. В отличие от классических (ан-

тичных) и иудеохристианских традиций, которые делали упор на том, что человек должен понимать их моральный порядок и сам приспособливаться к нему, идеологии модерна пытаются господствовать над миром и контролировать его. В двадцатом столетии эти идеологии получили и сохранили политическую власть – в коммунистических государствах.

Но на Западе такая прямая атака на наши традиции упорядоченной свободы не могла произойти через идеологию. Скорее радикальные [марксистские] интеллектуалы искали способ, чтобы подорвать основы самой науки как таковой и сконцентрировали свои усилия на изменении университетского образования.

Поворотный момент в высшем образовании наступил в 1960-х годах, когда агрессивные студенты начали партизанскую борьбу с традициями западной культуры и гуманитарных наук. Когда они осознали, что они не могут получить необходимую власть с помощью одних лишь демонстраций, многие из этих агрессивных активистов решили остаться «в системе» и самим стать профессорами. Теперь это поколение «радикалов на постоянных профессорских постах» (если использовать выражение Роджера Кимбалла) стало истэблшментом в подавляющем большинстве наших учреждений среднего и высшего народного образования. Как президенты университетов, деканы и руководители факультетов они преимущественно брали на работу других идеологов, которые соответствовали их взглядам на мир, и ввели репрессивные директивы, которые мы сегодня знаем как политическую корректность. Этим политизированных деятелей высшего образования лишь с очень большим трудом можно убрать с командных позиций.

Противоположность идеологии и гуманитарного образования

Ставки в войне идей высоки, так как они касаются самой первейшей и основополагающей концепции свободы как таковой. Американцы всегда понимали тесную и решающую связь между гуманитарным образованием и политической либеральностью. По этой причине политкорректность – также ничуть не меньше, чем смертельный удар, который направлен прямо в сердце нашей республики.

Кардинал Джон Генри Ньюмен определял в своей содержащей важные мысли книге «Идея университета» гуманитарные науки как поиск знаний ради самих знаний. В противоположность этому он называл прикладными ремеслами те отрасли знаний, содержанием которых были такие вещи, которые служат определенной, непосредственной цели. Ньюмен считал, что гуманитарные науки будут действовать освобождающе как «свободные науки», так как лишь они позволят человеку понимать самые фундаментальные принципы, которые одни только и приведут его к мудрости и добродетели.

Если бы Ньюмен дожил до наших дней, то он обозначил бы политическую корректность как прикладное ремесло, как целесообразную и раболопную, так как цель политкорректности – это возвышение некоей политической повестки дня до позиции власти над всей нацией. Растущее количество агрессивных профессоров-активистов бесстыдно превращает свою кафедру профессора в кафедру проповедника, отказывается от поиска объективной правды и вместо этого решает задачу идеологической обработки своих студентов.

Уничтоженная учебная программа

Защитники политической корректности сконцентрировали свои усилия на ядре гуманитарного образования, на учебной программе. Их усилия радикально изменяют то, что станут изучать новые поколения американцев. В этой борьбе был также создан мультикультурализм как служитель политической корректности. Некоторые критики правильно указали на то, что мультикультурализм это нечто большее, чем аргумент в пользу введения курсов, концентрирующихся на группах, которые когда-то были ущемлены или угнетались. В гораздо большей степени мультикультурализм включает систематическое преобразование учебной программы, например, препятствуя студентам изучать западную традицию. Именно из-за того, что серьезной целью политической корректности является реструктуризация и переориентация американского общества в соответствии с линией равенства, для сторонников этой линии обязательным требованием представляется внедрение всепроникающего культурного релятивизма в сознание учеников.

Возможно, наиболее тревожный аспект атаки политической корректности на учебную программу состоит в том, что она произошла во многих из элитных университетов Америки. Давайте рассмотрим в качестве примера Стэнфордский университет, учреждение, которое долгое время играет ведущую роль в американском высшем образовании. Стэнфорд отменил свою ориентацию на западную цивилизацию в 1988 году и заменил ее мультикультурной программой, которая известна как «Культуры, идеи и ценности». С этой новой программой студенты первого семестра могут так же просто изучать марксистских революционеров в Центральной Америке, как Платона, Шекспира или Ньютона.

Далее Стэнфордский университет увел движение от серьезного изучения истории. От студентов в Стэнфорде, так же, как от студентов во всех других университетах из Топ-50 в США – за исключением одного единственного – не требуют посещения ни одного курса истории. Вместо этого им предлагается выбор курсов под общим названием «Американские культуры». Один студент, который недавно получил свой диплом в Стэнфорде, рассказывал, что невозможно выполнить требования учебной программы курса «Американские культуры», изучая на этом курсе протестантство, ирландских американцев или

американский Запад, в то время как среди курсов, которые выполняют требования, есть, например, такие как «Кино и литература: изображение мексиканско-американской границы» и «Современная этническая драма». Студенты в Стэнфорде должны также посещать курсы на темы «Культуры мира» и «Исследования полов», два курса из этой области – это, например, «Культура выражения чиканос» (латиносов) и «Ненависть к женщинам и феминизм в эпоху Возрождения».

И так как такие элитные институты, как Стэнфордский университет, служат примером прочим американским университетам, другие университеты тоже усердно перенимают эти разрушительные атаки на учебную программу. Этот медленно проходящий сверху вниз через всю систему образования процесс будет иметь долговременное влияние на то, как будут учиться будущие поколения американцев.

Нетерпимость и нападение на свободу

Академическая свобода и свобода слова традиционно были несущими опорами гуманитарных наук. Без свободы исследовать правду и открыто и свободно писать и говорить, подлинная наука невозможна. Тем не менее, истеблишмент просто упразднил эти обе фундаментальные свободы с помощью «правил языка», курсов «чувствительности» и общего климата страха и запугивания в университетах.

Например, более молодые профессора, которые еще не получили постоянной должности, должны внимательно следить не только за тем, что они говорят, но и за тем, что они публикуют. Идеологические университетские «замполиты» создали в 1990-х годах обстановку, где доминирует подозрительность, которая заходит намного дальше всего того, что антикоммунистический сенатор Джозеф Маккарти когда-либо делал в 1950-х.

Самыми трагическими жертвами этой эры политкорректности являются студенты. Традиционная цель гуманитарного образования – аккультурация, воспитание в традициях определенной культуры, когда студенты приобретают накопленные в прошлом знания – была отодвинута в сторону. Университетское образование сегодня, кажется, все больше содержит механическое заучивание политических мнений. Когда затем все было сказано и сделано, то политическая корректность поставила самодовольные чувства праведности на место критического мышления, которому ранее традиционно учили студентов. Один уважаемый ученый недавно высказался в том духе, что речь «в университетском образовании все больше идет о том, чтобы приобрести позиции и мнения, которые затем надевают на людей как единообразную униформу».

Именно из-за того, что высшие учебные заведения – это относительно изолированный мир, политизированные руководители могут превращать кампус в лабораторию для экспериментов с целью социальной трансформации. Всякий раз, когда критики политической корректности сравнивают атмосферу в университетских кампусах с атмосферой в тоталитарных государствах, моментально появляются либеральные «мудрецы», обзывающие таких критиков «истеричными». Но только у немногих из этих экспертов есть какие-либо знания о ежедневной жизни в кампусе из первых рук.

Движение за реформы высшей школы

Вопреки организационной власти марксистских радикалов, в университетах есть и силы, которые стремятся к подлинной реформе высшего образования. Движение за реформы высшей школы основывается на принципах ответственности, коммуникации и преданности настоящей науке. Одной из реформаторских сил являются при этом растущие требования родителей к большей ответственности и подотчетности колледжей и университетов. В то время, когда студенты платят больше, и учатся меньше, чем когда-либо раньше, родители все больше становятся разборчивыми потребителями [учебных услуг].

Следующая сила – это независимые студенческие газеты, журналисты которых сообщают студенческой общественности о глупом и неприглядном облике политкорректности в кампусах. В прошлом марксистские радикалы процветали в университетах без сопротивления, но их действия больше не остаются незамеченными. Появление консервативных студенческих газет в десятках высших учебных заведений заставило агрессивных активистов в кампусах предстать перед публикой, где они более всего уязвимы под внимательным взглядом рассерженной общественности.

Два года назад спонсоры Студенческой сети (Collegiate Network) попросили Институт межуниверситетских исследований (Intercollegiate Studies Institute, ISI) взять на себя руководство ее программой содействия и расширения ответственной студенческой журналистики. Студенческая сеть предоставила стартовый капитал, оказывала практическую помощь и предлагала интеллектуальное руководство для более чем шестидесяти консервативных студенческих газет, которые предоставили альтернативный дискуссионный форум во многих самых элитарных (и самых узколобых) университетах Америки.

Эти альтернативные газеты разоблачали злоупотребления на всех уровнях жизни высшего образования и активно занимаются журналистскими расследованиями, журналистикой, которая замечательно корректна и точна. Возможно, самой сенсационной была статья в альтернативной консервативной газете Йельского университета «Свет и правда» (Light and Truth), издании, которое поддерживается Студенческой сетью. Редакторы узнали, что пожертвование в

размере 20 миллионов долларов, поступившее от богача и филантропа Ли Басса, бывшего выпускника Йеля, не было использовано для указанной цели – интегрированного курса западной культуры. Статья разоблачила этот скандал перед общественностью, и скандал закончился, когда Йельский университет вернул господину Бассу деньги. Последовавшая за этим шумиха стоила Йелю больше, чем двадцать миллионов долларов от господина Басса – как в финансовом отношении, так и вследствие того, что многие жертвователи Йеля утратили уверенность, что нынешнему университетскому руководству можно было доверять.

Не все скандалы, которые разоблачают альтернативные университетские газеты, вызывают такие большие потрясения, но существуют бесчисленные незаконные действия и злоупотребления, которые могут быть раскрыты студентами-журналистами, занимающимися журналистскими расследованиями. Юридическая школа университета Северной Каролины в Чапел-Хилл, например, запрещала представителям американской армии устанавливать там свои столы для вербовки, хотя она получает федеральные налоги от Министерства обороны.

Статья об этом возмутительном нападении на свободу, которая появилась как в издаваемой студентами газете *Caroline Review*, так и в общенациональной газете *ISI Campus*, вызвала громкие крики внутри кампуса и за его пределами. Законодательная власть в Северной Каролине немедленно начала действовать и приняла закон, который запрещает дискриминацию военнослужащих в финансируемых государством учебных заведениях, когда военные посещают университеты как будущие работодатели.

В университете в Мэдисоне, штат Висконсин, студенческая газета *UWM Times* обнаружила, что один член администрации университета собирал подписи в пользу кандидатов тамошних демократов на общественные должности. Это было прямым нарушением законов штата, которые запрещают сотрудникам университета участвовать в политических кампаниях. Университет отказывался сделать выговор члену руководства университета, возможно, из-за того, что сам ректор университета нарушил как закон, так и свою собственную директиву, когда он подписал одну из этих петиций во время своей работы. Затем историю подхватила газета *Milwaukee Journal Sentinel*, и эти злоупотребления прекратились.

Теперь, так как альтернативные газеты и организации, которые посвятили себя реформам высшего образования, действуют все шире и все более открыто, общины, окружающие наши высшие учебные заведения, все больше и больше приобщаются к подлинной академической реформе. Национальное студенческое объединение, например, поощряет администрацию университета занять более активную и более твердую позицию в сопротивлении против

эксцессов политической корректности. Такие усилия должны расширяться и интенсифицироваться.

Самый успешный метод для достижения победы над инквизиторами политической корректности, это просто смело встать у них на пути. Индивидуальное сопротивление хотя часто и несет в себе большой риск – так студенты могут подвергнуться уничтожающим и деморализующим показательным процессам, а преподаватели могут утратить свой шанс на постоянную профессорскую должность, но каждый такой акт сопротивления поднимает волны, и они придают смелости другим людям, которые тоже будут защищаться от этого идеологического запугивания. При поддержке заметного количества родителей, жертвователей и бывших выпускников эти Давиды смогут убить Голиафа, который возвышается над ними.

Огонь истинного учения

Вероятно, самая мощная сила в борьбе за истинную реформу образования – та, которая борется с идеологическими разрушениями политической корректности, пытаясь победить в борьбе идей. Лучшие студенты обладают умом, который склонен задавать вопросы и все ставить под сомнение, и такой ум как раз и не может удовлетворяться одними лишь политическими лозунгами. Как только такие студенты получают доступ к серьезным знаниям, они реагируют с большим энтузиазмом. Даже сегодня передача традиций и знаний западной культуры происходит под руководством выдающихся ученых в различных учебных заведениях повсюду в нашей стране. Больше того, несколько институтов и университетов все еще плывут против идеологического течения нашего времени.

Институт межуниверситетских исследований (ISI) выбирает вместе с Фондом Темплтона лучших профессоров, факультеты, институты и учебники американской высшей школы. Эта программа, Почетный список Темплтона за достижения в сфере народного образования в свободном обществе, прославляет лучшие достижения в народном образовании и служит путеводной нитью многим родителям и студентам, когда те занимаются трудным заданием выбора университета или института. В то время как награда Темплтона отбирает наилучшее в высшем народном образовании, она также воодушевляет спонсоров вознаграждать те университеты, которые сохраняют традиции свободного общества.

Будущие студенты, их родители и, естественно, спонсоры тоже могут извлечь пользу из этого обширного справочника о ста лучших учреждениях американской высшей школы, который публикуется ISI. Справочник содержит длинные информативные статьи о всех ста учебных заведениях, включая 80 элитных школ, которые были отобраны на основании сравнимых критериев и 20 школ,

которые ISI выбрал специально за их вклад в области гуманитарных наук. Справочник высшей школы ISI обращает внимание студентов на идеологические опасности в университетах и показывает им дорогу к лучшим профессорам и факультетам. Так автор бестселлеров Уильям Дж. Беннет пишет об этом проекте: «Американцы слишком часто обращаются с институтами и с университетами с таким почтением, которое мешает им задавать учебным заведениям серьезные вопросы и требовать от них реальных результатов. Но если когда-нибудь будет истинная, долгосрочная реформа образования, то родители и студенты должны будут стать более практичными, рассудительными и лучше проинформированными потребителями образования. Справочник высшей школы ISI – это мощный инструмент для достижения этих целей».

Одно из самых известных высказываний Эдмунда Бёрка: «Единственное, что нужно для триумфа зла, это чтобы хорошие люди ничего не делали». На протяжении жизни многих поколений американцы обращались с высшим народным образованием с почтением, что было доказательством их веры в освобождающее действие гуманитарных наук. Но перед лицом политической корректности для американской общественности становится необходимым дополнить это ее уважение критической чувствительностью и предпринять более прямую попытку потребовать ответа от мира университетской науки и высшего образования. Пришло время, когда хорошие мужчины и женщины должны потребовать, чтобы американская высшая школа снова вернулась к своим лучшим традициям и свергла тиранию политической корректности.

Глава 4. Политическая корректность: деконструктивизм и литература

Автор Джейми Макдональд

Литература, даже если она не самый значительный культурный индикатор, все же представляет собой важный критерий уровня цивилизации общества. Наша природа и наше окружение вместе формируют каждую индивидуальную личность, и она, в свою очередь, использует слова, чтобы выразиться. Литература, как отображение используемого обществом языка, – это соответствующим образом исходная точка используемой обществом для общения речи, окно в культуру.

Именно по этой причине стоит рассмотреть сегодняшнюю литературу: из-за возможности через нее понять нашу современную культурную среду. Современная американская литература переполнена «измами»: марксизм, фрейдизм, феминизм и так далее. Многие из этих «измов» – это академические родственники того, что сегодня обычно обозначается как «политическая корректность». Литературные теоретики берут свою специфическую интерпретацию критики и применяют ее к литературе, чтобы найти самоутверждение в

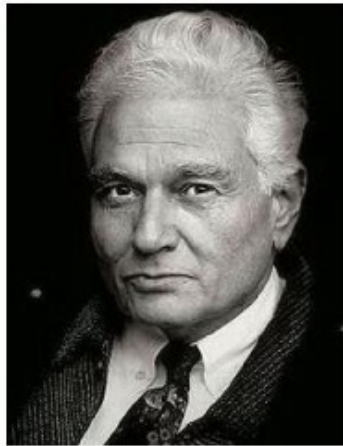
«новом обнаруженном» значении имеющихся книг и произведений. Для феминистского критика, например, темой стихотворения Эндрю Марвела «Uron Appleton House» («Об Эпплтон Хаус. К милорду Фэрфаксу») является не красота пейзажа, а вместо этого отрицательные черты патриархального порядка наследования. Эти «критики культуры», как их называют из-за того, что они критикуют литературу, исходя из точки зрения определенной культуры, появились в 1960-х годах, но их вид критики начал набирать обороты только с появлением школы деконструктивизма (деконструкции) в 1970-е годы.

Труды отца деконструктивизма [Жака Дерриды](#) переводились, начиная с середины 1970-х годов, с французского языка американским профессором Гаятри Спивак, в то время, когда американский литературный ландшафт как раз «созрел» для такого влияния. Экономические марксисты прочно обосновались в американских университетах, и у них все было хорошо, и критики культуры все еще подпитывались [идеологической] радикализацией этого времени. Феминисты, «инакомыслящие» и приверженцы [«черной литературы»](#) (т.е. негритянской литературы) уже десятилетием раньше «захватили плацдарм», но в их скудных арсеналах были только расплывчатые намеки на угнетение как раз представленных меньшинств. У них отсутствовала философская поддержка, смелость, которая возникает, когда у человека есть свой собственный «логос», свое собственное прочное и обоснованное мировоззрение. Пришедший из Франции деконструктивизм теперь как раз и предоставил эту философию.

В это время поколение тогдашних университетских профессоров и ученых сделало то, что делают все университетские профессора и ученые. Они сказали предшествовавшему поколению, что те все делали неправильно. В этом случае произошел мятеж против «Новых критиков», которых называют так также еще сегодня, спустя десятилетия после времени их расцвета. Новые критики специализировались на том, чтобы находить значение текстов без связи с фоновой информацией, как, например, с намерением автора. «Текст – это все», таким был направляющий принцип этого процесса.

Новое поколение литературных критиков теперь поставило этот принцип с ног на голову. Вместо подхода «Текст – это все» появился подход «Все – это текст», и это привело к тому, что все и вся анализировалось теперь, ссылаясь на литературные произведения. Если какой-то поэт написал стихотворение, в котором одним из персонажей была женщина, тогда критики смотрели на отношения поэта с его матерью, его женой, его сестрой и так далее, и пытались, опираясь на это, интерпретировать его произведение. Использование биографических данных могло иметь и также часто имело положительный эффект для нового понимания произведения. Но новые интерпретации не были попыткой исследовать истинное значение произведений (как это пытались сделать Новые критики) или тем более то значение, которое намеревался вложить в произведение сам автор (как это делали традиционные критики). Вместо

этого эти критики нового поколения стали основными практикующими представителями того, что известно в литературных кругах как «культурный критицизм». Они рассматривали литературу искаженно с «женской точки зрения» или с «точки зрения гомосексуалистов» или с точки зрения радикальных меньшинств. Их попытки служили не выяснению значения произведений – для этого они находились под слишком сильным влиянием релятивистов – а тому, чтобы находить доказательства сексизма, расизма и гомофобии в произведениях авторов, которые были мужчинами, европейцами или гетеросексуалами.

Жак Деррида (1930-2004)

Деконструктивизм Жака Деррида стал инструментом для этих критиков культуры. Если говорить кратко, то деконструктивизм (или деконструкция) это посылка, которая предполагает, что слова не имеют значения. Вместо этого у слов якобы есть «следы» («отпечатки») значений. Значение слов непрерывно исчезает, и все, что остается нам, это лишь память, воспоминание об изначальном значении, след изначального значения. (Подобно понятию бытия у Хайдеггера, Деррида часто использовал перечеркнутое слово «след» как попытку указать на одновременно существующее и исчезающее значение).

Одна метафора может помочь понять лежащую в основе деконструктивизма философию. Если кто-то произносит слово «авторучка», то каждый думает об объекте в ящике письменного стола. Но если кто-то бросает авторучку в кого-то, то слово «авторучка» начинает ручку терять свое первоначальное хорошее значение наполненного чернилами устройства для письма; если использовать деконструктивистские термины, то изначальное значение слова «авторучка» стирается, и от него остается только след. Вместо этого слово «авторучка» теперь ассоциируется с оружием, снарядом, со средством, которое, возможно, выражает гнев. Если затем ручка попадает в кого-то, то «авторучка» для этого лица означает что-то болезненное, ранение, личное оскорбление, мотив нанести ответный удар и так далее. И вот деконструктивизм утверждает, что поэтому никогда не может быть только одного постоянного значения для слова

«авторучка». Основываясь на этом лингвистическом аргументе, деконструктивизм теперь делает вывод, что, так как каждое значение слов так быстро размывается, становится путаным, мы никогда не можем общаться по-настоящему. У слов больше нет значения.

Постмодернистский лозунг «Differance» (различание) пришел вместе с терминами как «sous rature» (под вычеркиванием) и «след» через труды Дерриды в американские гуманитарные науки и образование. Благодаря комбинации концепций (а также французских слов) «отсрочки на более поздний срок», «сдвига» (deferment) и «различия» (difference) Деррида создал это наименование для бесконечного перенесения значения, которое должно происходить со словами. Деррида утверждает, что «Differance» (различание) было причиной того, что слова не могут иметь значение, так как именно ум постоянно понимает вещи по-разному, так что изначальное значение слова утратило бы свою важность как «правильное» значение – и от него остался бы только лишь след.

В конце концов, это, естественно, было совершенно непригодно для сегодняшних критиков культуры – они нуждаются в словах, чтобы пояснять значения, так, чтобы они могли указывать на художественные произведения и стенать о том, как эти произведения описывают или иллюстрируют угнетение культурных меньшинств. Но наряду с его принципиальной философией деконструктивизм принес с собой кое-что намного более важное. Его методика помогала «показывать», как каждый язык «деконструирует» самого себя.

Деконструктивисты специализировались на том, чтобы «разбирать» («деконструировать») литературные произведения, и это вопреки тому, что они непреклонно настаивают на том, чтобы произведения разбирают сами себя, а критик только показывает, как это происходит. Эти «методы деконструкции» обычно включают изолирование поверхностного значения литературных произведений, «традиционного» значения, и затем пытаются показать, как само произведение противоречит своему традиционному значению. Они берут, например, стихотворение о любви и разрезают язык на части до тех пор, пока не найдется что-то, что может интерпретироваться как «нелюбящий». Сонет Элизабет Баррет Браунинг «Как я люблю тебя? Люблю тебя без меры» заканчивается словами «I shall but love thee better in death» – «Еще сильнее буду я любить тебя после смерти». Остроумные деконструктивисты затем комбинируют это с предыдущими словами поэтессы «when feeling out of bounds for the edge of beauty and ideal grace» («когда чувствуешь себя вне краев красоты и идеального изящества»), чтобы сделать вывод, что госпожа Браунинг, собственно говоря, жаждет смерти своего супруга. «Почему она смотрит на **край** красоты?» спрашивает деконструктивист. «Абсолютно ясно, что она не хочет пребывать перед красотой или в ней, вместо этого она ищет какой-то обходной путь». Деконструктивист приписывает это явное несоответствие проблеме с

языком, «различанию», и сразу после этого делает вывод, что это стихотворение также не имеет никакого значения – как и любой другой выраженный язык – по меньшей мере, это не то значение, которое обычно видят в нем.

После того, как критики культуры осознали силу этой посылки, они охотно приняли ее, так как они увидели в ней метод атаковать традиционные интерпретации литературных произведений. Они использовали деконструктивизм, чтобы убирать из традиционного содержания традиционное значение и заменять его новым значением, «вставляя» туда это новое значение своей интерпретацией. И это новое значение – это как раз та политическая корректность, которая затопляет наше общество сегодня. После того, как, например, традиционное значение стихотворения «Как я люблю тебя?» пошатнулось в результате описанного выше процесса, феминистский критик мог бы затем как раз по причине отсутствия неизменной традиционной интерпретации додуматься до того, чтобы утверждать, что это стихотворение «в действительности» рассказывает о том, как женщин в Англии девятнадцатого века приучали к тому, чтобы они сами считали себя людьми второго сорта в сравнении с мужчинами.

Вопреки тому, что постмодернистская мантра звучит как «Все – это текст», критики культуры не медлили применить свои методы к музыке, кино, телевидению и всему остальному, с чем они сталкивались. Они считали, что они могут удалить значение, задний план любого из культурных феноменов, и заменить его ценностями любой группы, которая покажется им полезной. Таким образом, например, гомосексуальные аналитики могли бы убрать правду Библии из нее и интерпретировать ее вместо этого таким образом, чтобы она была полна гомофобской ненависти – правда Бога была бы растоптана, и вместо нее могла бы быть внедрена «гуманная» политическая повестка дня.

Но и этот пример даже не особенно возмутителен, так как открытой целью Жака Дерриды в деконструктивизме было убрать идею того, что он называл «трансцендентное значение». Стандартные модели языкознания работают, опираясь на попарное появление означающего и означаемого. Означающее – это слово, а означаемое – это то, что подразумевает слово, т.е. его значение. Как только на сцене появляется «различание», значение непрерывно переносится до тех пор, пока оно уже больше не может переноситься – это значит, пока оно не достигнет царства метафизики. Окончательное значение, которого достигает каждое слово, это Бог, так как Бог – это окончательное содержание западного мышления. (Простой способ понять эту концепцию такой. Если вы зададите любой вопрос и получите какой-то ответ, спросите: «Почему?». Потом спросите: «Почему?» на полученный ответ, и так далее. И вы в конце концов придете к ответу: «Бог». И ответ на вопрос: «Почему Бог?» тоже звучит: «Бог». – прим. автора.)

Это «трансцендентное значение», от которого Деррида хотел освободить как себя самого, так и западный мир, в действительности, Бог. Деррида считал

веру в Бога продуктом ограниченного, недостаточно развитого западного разума, и вслед за Ницше он утверждает, что Бог – это скорее конструкт языка, чем наоборот.

Естественно, Деррида быстро стал любимцем истеблишмента американского народного образования. Он читал лекции в университетах Восточного побережья США и начал любить этот регион Америки. Уже скоро Америка ответила взаимностью на эту привязанность, предоставив ему место на факультете английского языка в Йельском университете. Затем Йель привлек еще гораздо больше деконструктивистов и постмодернистов, таких как Дж. Хиллис Миллер, Джеффри Хартман и другие. Еще один европеец, Поль де Ман, тоже приехал в Америку и начинал преподавать деконструктивизм. В истории де Мана кроется еще одна причина, из-за которой деконструктивисты так страстно пытались освободить язык от его значения. Де Ман перед Второй мировой войной работал для определенно дружественной к нацистам газеты. Противники де Мана снова и снова указывают на то, что устранение значения из языка является превосходным способом, чтобы в дискуссиях заболтать и оставить без внимания пронацистское содержание его произведений.

Поль де Ман (1919-1983)

С деконструктивизмом культурные критики получили инструмент, при помощи которого они могут истолковывать литературу, философию и культуру до полной чепухи. Так, например, Деррида в своих трудах избегает все формы глагола «быть», чтобы оставаться верным своей собственной философии. В деконструктивистском смысле глагол «быть» подразумевает значение, следовательно, он не может существовать. Поэтому Деррида перешел к тому, чтобы вычеркивать все формы этого глагола, что не совсем полезно для понятности его произведений. В начале своего нападения на пару «означающее/означаемое» Деррида пишет: «Знак – это есть плохо-названная вещь, единственное,

что ускользает от имманентного философии вопроса: 'Что есть...?'. И в то время как Деррида пытается представить свои идеи о традиционных языковых моделях, его собственная философия заставляет его вычеркивать все слова, которые только и позволяют ему общаться.

Если бы Деррида следовал логике своих собственных теорий, то он осознал бы, что он едва ли мог бы распространять свои идеи посредством написанных слов или устной речи. Если бы деконструктивистские теории были верны хотя бы наполовину, то вербальная коммуникация – и в расширенном контексте любая форма общения – была бы невозможна. Как говорил «новый критик» доктор М.Х. Абрамс из Корнеллского университета: «Я надеюсь, что Деррида вспомнит о том, что слова обозначают вещи, когда в следующий раз кто-то предупредит его о подъезжающем к нему автобусе».

Принятие деконструктивизма вредит не только логичной философии, но и делает также создание литературы практически невозможным. Если слова не имеют значения, то они не больше, чем просто шум. Это правда, что Льюис Кэрролл написал хорошо известное стихотворение из бессмысленных, но приятно звучащих слов, но сколько, пожалуй, можно создать таких стихотворений как «Jabberwocky» («Бармаглот»), прежде чем они надоедят обществу? (Некоторые утверждают, что они нам уже надоели).

По мере того, как «развиваются» литературные факультеты в университетах, углубляется пропасть между теми, кто создает литературу и теми, кто ее анализирует и преподает ее. В то время как Сэмюэл Тейлор Кольридж, Т.С. Элиот и все кадры выдающихся авторов были хорошо образованными людьми, кажется, что нынешнее литературное образование в американских университетах скорее препятствует способности человека писать хорошо. По мере того, как литературные профессора принимали философию деконструктивизма, они как раз утрачивали эту способность хорошо писать, так как для этого необходимо значение слов. Вследствие этого появилось различие внутри факультетов английского языка между учебными программами М.Ф.А (Master of Fine Arts, магистра искусств) и доктора философии (Ph.D.), причем различие стало настолько большим, что теперь появились отдельные факультеты

Самая большая надежда Америки на хорошую литературу заключается сегодня не в университетах, а в авторах-любителях, которые пишут после своего восьмичасового рабочего дня или пока их дети находятся в школе. «Интеллигенция» забыла и потеряла свою литературу в спешке за удовлетворением своих политических амбиций.

В данный момент уже существует движение, противостоящее деконструктивизму. Так же, как процветающее в наши дни поколение рассматривало критиков «Новой критики» как устаревших, так и сегодняшние студенты, изучающие литературу, начинают считать деконструктивизм устаревшим. Деррида

хоть и преподавал еще до своей недавней (2004) смерти (он, например, до 1995 года еще выступал с лекциями в Вашингтоне), но, так же, как их предки, сегодняшние студенты начинают бунтовать и говорить своим предшественникам, что они все делали неправильно. Самый важный аспект этого противостоящего движения – это трудности сообщать деконструктивистские идеи (при этом помните о том, что представленное здесь это лишь грубый обзор, а не реальные методы для деконструкции литературного произведения). Как результат этих трудностей сегодняшнее поколение канала MTV споткнулось на положительном побочном эффекте его 15-секундных промежутков внимания: у молодого студента нет терпения, чтобы пробираться через почти непонятный синтаксис Жака Дерриды и расшифровывать его терминологию.

К несчастью, это не удержало критиков культуры от того, чтобы они идеологически обрабатывали это новое поколение с феминистской интерпретацией, марксистской философией и так называемой «квир-теорией» («queer theory»). Требование читать произведения Шекспира, Милтона, Чосера и других давно умерших белых мужчин явно исчезает и заменяется возможностями изучать «роль женщин в эпоху Возрождения» (оправдание, чтобы сетовать на сексизм в истории) или «Библию как литературу» (курс, задуманный для того, чтобы представить Библию как мастерски составленный роман, а не божественную истину).

Деконструктивизм был успешен в том, чтобы пошатнуть традиционные значения текстов. Чтобы узнать, что придет ему на смену, нужно еще подождать, но влияние деконструктивизма, кажется, падает. Теперь мы видим, как произведения Шекспира снова оживляются в фильмах. «Много шума из ничего», «Гамлет» или «Ромео и Джульетта» – все они были экранизированы в последнее время, хотя американская кинопромышленность долго пренебрегала ими в пользу менее значительных произведений. Романы Джейн Остен, когда-то расхваленные профессорами как незамеченные шедевры, прежде всего, автора-женщины, высмеиваются в наших университетах как слишком консервативные, так как их темами являются любовь и брак. Но вопреки этому популярная культура в какой-то момент хорошего вкуса осознала ценность этих произведений и заново оживила их в виде фильмов.

Тем не менее, настоящий похоронный звон по деконструктивизму прозвучит только тогда, когда следующее поколение литературных критиков осознает его истинную природу, поймет, что как раз классический путь – чтение, размышление, анализ – полностью противоположен философским целям деконструктивизма. Надежным спасителем интеллигенции будет нормальный гражданин с его нормальными взглядами и здравым смыслом. Здравый смысл как раз и диктует, что слова подразумевают вещи, а так как деконструктивисты постулируют прямо противоположное, их, в конечном счете, оттесняют на обочину общества. К сожалению, последствия деконструктивизма еще продолжают

жить – он придал видимость обоснованности и правильности критике культуры и создал «рыночную нишу» для ее идей.

Деконструктивисты в данный момент уже готовы оставить свой анклав в Йельском университете – в той же самой мере, в которой их учение оттесняется на задний план приверженцами более современных, более простых и более узких, ограниченных идеологий. Это – феминисты, марксисты и приверженцы квир-теории – из которых никто не оставит свою постоянную профессорскую должность без борьбы. Вместо этого эти люди начали обучать новых выпускников, которые когда-то должны будут занять эти должности. Конкурс на вакансии в университетах и на учебу для получения диплома преподавателя достиг самого высокого за всю историю уровня, в то время как эти «радикалы» в университетском истеблишменте поощряют следующее поколение помочь им надолго сохранить свою идеологию в американском высшем образовании.

Глава 5. Радикальный феминизм и политическая корректность

Автор доктор Джеральд Л. Аткинсон

Сегодня, вероятно, самое заметное проявление политической корректности в Америке – это феминистская идеология. Базируется ли феминизм, так же как прочая политкорректность, на культурном марксизме, который был импортирован из Германии в 1930-х годах? Хотя феминизм распространяется в Америке уже больше шестидесяти лет, его процветание в последние десятилетия неразрывно переплетено с разворачивающейся социальной революцией, которую продвигают культурные марксисты.

Почему поднимается звезда радикального феминизма? Например, на телевидении, где почти в каждом сериале есть «сильная женщина», а сюжет и персонажи подчеркивают слабость мужчин и превосходство женщин. Или в армии, где увеличение количества должностей для женщин, также в боевых соединениях, достигается с помощью двойных стандартов, а затем [сниженных требований](#), так же, как и уменьшением количества завербованных в армию молодых мужчин, в то время как «воины» толпами покидают вооруженные силы. Это же происходит и в предписанных на государственном уровне директивах о предпочтении работников-женщин, и на практике, когда женщины пользуются преимуществом, а обвинения в «сексуальной агрессии» («сексуальных домогательствах») используются для того, чтобы держать мужчин в узде. И это происходит в высших учебных заведениях, в которых разрастаются специфически предусмотренные для женщин «гендерные исследования» и происходит «положительная дискриминация» при предоставлении мест для учебы и работы. Это происходит у других работодателей, государственных и частных, где дополнительно к «положительной дискриминации» никогда еще

прежде не выделявшееся время и внимание посвящается «обучению чувствительности» (тренировке психологической восприимчивости). Это происходит в государственных школах, в которых все больше стимулируют «самопознание» и «самоуважение», тогда как уровень академического обучения падает. И, что особенно печально, мы видим, что «право на прерывание беременности» приводит множество хороших американцев, включая многих в общественном управлении и в сфере общественной культуры, к мысли о том, что было бы «правильно» убивать самых беспомощных, наших еще не рожденных детей.

Хотя темой этого эссе является то, что сегодняшняя идеология политической корректности, включая радикальное феминистское движение, произошла из культурного марксизма, феминизм как таковой имеет более старые корни. Феминизм был придуман и родился в Америке в 1830-х годах, в том поколении, которое пережило первую стадию промышленной революции.

Тогда женщины, которые на протяжении веков вместе с мужчинами сталкивались с вызовами самому их выживанию в аграрном обществе, все больше становились частью верхнего среднего класса, и у них появилось все больше времени и энергии, чтобы писать газетные статьи и романы для своих «сестер». Первая стадия феминизации американской культуры началась.

Эти феминисты обоих полов, радикалы в то время, стали важными идеалистическими трансценденталистами, к которым в то время принадлежали Ральф Уолдо Эмерсон, Генри Дэвид Торо и много радикальных унитаристских священников. Идеалистические трансценденталисты были также сторонниками отмены рабства, и чувствовали своим долгом бороться за ликвидацию как рабства, так и всей культуры южных штатов. Подстегиваемые риторикой Гарриет Бичер-Стоу (автора «Хижина дяди Тома»), Джулии Уорд Хоу (автора текста «Боевого гимна республики») и Маргарет Фуллер (первой радикально-феминистской газетной журналистки) мужчины и женщины этого поколения идеалистических трансценденталистов привели нашу страну к Гражданской войне.

Кем были эти люди и почему мы должны еще сегодня вспомнить о них? Они были предшественниками сегодняшних идеалистов из поколения «бэби-бумеров» (детей первого послевоенного поколения, демографического взрыва). Хотя мы не можем определить прямую связь между трансценденталистами и сегодняшними идеалистами, они все же очень похожи друг на друга. Мы можем получить представление о том, куда ведет нас сегодня идеалистическая элита этого поколения, если детально рассмотрим историю трансценденталистов и их побуждения, их мотивацию.

Трансценденталисты поддерживали отмену рабства, права женщин, воздержание от спиртного, пацифизм (тем не менее, не в своей борьбе против рабства) и другие вещи, которые мы находим сегодня в движении New Age. Они

также обращались к спиритуализму (разговор с душами умерших), восточному мистицизму и френологии (попытка определить характер человека по форме его черепа). Эти люди чувствовали бы себя в сегодняшней среде New Age как дома. Лютер Джордж Уильямс, говоря о группах, борющихся за права женщин и права человека, указывает, что освобожденные рабы могли гарантировать себе право участия в выборах согласно тринадцатой, четырнадцатой и пятнадцатой поправкам к Конституции (ратифицированы в 1870 году), но положение женщин оказалось хуже. Они получили право участия в выборах лишь в 1920 году с девятнадцатой поправкой к Конституции. Как бы то ни было, существенные политические победы, которых добились эти группы во время Гражданской войны, гарантировали то, что они и дальше останутся союзниками. Сегодня их политические организации доминируют во всех сферах общества, политики и образования в Америке – включая вооруженные силы.

В действительности у атаки сегодняшних радикальных феминисток на VMI и «The Citadel» есть политическая параллель с активностью трансценденталистов во время гражданской войны. Это сегодняшнее нападение – это частично продолжение вековой попытки уничтожить культуру южных штатов.

В отличие от сегодняшних радикальных феминисток, у социальных феминисток 1890-х годов и начала двадцатого века была менее тоталитарная природа. Они боролись за право женщин участвовать в выборах, но выступали также за укрепление значения семьи.

Сегодня феминизация американской культуры, которая сильно ускорилась в 1960-х, явно становится более интенсивной. Радикальные феминистки требуют, чтобы женщинам была предоставлена «возможность выбора» поступать на службу в пехоту, артиллерию, войска специального назначения, и на должности боевого планирования в армии и Корпусе морской пехоты. Эти требования с 1993 года приводят к феминизации военно-морского флота, сухопутных войск и военно-воздушных сил.

Феминизация американской политики далее развивалась в ходе предвыборных президентских кампаний в 1996 году, когда партии проводили «феминизированные» собрания, с мягкими, эмоциональными речами в стиле Опри Уитни, и сентиментальными видеосюжетами о кандидатах в президенты. Оба кандидата представлялись в качестве мягкосердечных, кротких, мотивируемых эмоциями людей, которые в достаточной мере могут поддаться своим чувствам, так что все женщины в Америке могли бы «хорошо себя чувствовать» под их присмотром. Так как на карту были поставлены 60 миллионов голосов американских женщин, обе партии Америки делали особый упор на «женскую» сторону.

В средствах массовой информации нет сомнений, что от «сегодняшнего мужчины» ожидается, чтобы он принадлежал к ласковому и чувствительному подвиду и покорялся радикально-феминистской повестке дня. Он – продукт Голливуда, комедийных телесериалов и телефильмов, и политических экспертов на ток-шоу. Феминизация становится настолько ощутимой, что газеты и журналы подхватывают эту тему. Например, Washington Times и National Review объединились, чтобы рассказать нам, что «за беззаботным расхваливанием товаров для мужчин в сегодняшних мужских журналах стоит кризис веры: Что значит быть мужчиной в 90-х?» Обнаружилось, что сегодняшние журналы для мужчин (Esquire, GQ, Men's Health, Men's Fitness, Men's Journal, Details, Maxim, Men's Perspective) «все ориентированы на нового, феминизированного мужчину...»

Хотите примеры? Старая мужская позиция по отношению к внешнему виду. Если наша память нас не обманывает, то наши отцы в заботе о своей внешности были ограничены преимущественно тем, что брились и надевали галстук.

Рич Лоури пишет об этом:

«Действительно трудно было бы представлять себе, что (они) могли бы заинтересоваться такими статьями как «Плоский живот для пляжа» (Verge), «Три новых мужских аромата на осень» (GQ) или даже «Новый костюм на осень» (Esquire). Но за это время с какого-то момента мужчины стали все меньше заботиться о том, чтобы быть сильными и молчаливыми, и больше о том, чтобы выглядеть красивыми».

В действительности феминизация американской культуры почти завершена. И последний бастион мужского доминирования, американская армия, находится в осаде.

Если бы этот «тренд феминизации» форсировался лишь радикальными феминистами, которые хотят свергнуть то, что они воспринимают как иерархию, где доминируют мужчины, тогда еще была бы какая-то надежда, что циклы истории снова поведут Америку в направлении стабильного компромисса между мужчинами и женщинами.

(Немецкий переводчик использует слово Feministen (феминисты), а не Feministinnen (феминистки), т.к. сторонниками феминизма могут быть люди обоих полов, а не только женщины. – прим. перев.)

Но мотив находится глубже и не может быть удовлетворен каким-то компромиссом между мужчинами и женщинами. Радикальные феминисты включили в себя намного более широкое и более глубокое движение культурного марксизма и сами стали его частью. Стратегия активных марксистов состоит в том, чтобы атаковать каждый пункт в обществе, в котором предполагаемое неравенство создает возможный электорат «угнетенных» людей, и поддерживать

«угнетенных» – в данном случае женщин, которые составляют в количественном отношении самый большой электорат. Культурные марксисты, как женщины, так и мужчины, пользуются этим, насколько это возможно, а разработанные во Франкфуртской школе теории предоставляют им для этого идеологию.

Франкфуртская школа выстроила теорию, что авторитарная личность – это результат патриархальной семьи. Эта идея, со своей стороны, исходит непосредственно из книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», произведения, которое пытается способствовать матриархату. Кроме того, сам Карл Маркс писал в Коммунистическом манифесте об «общности женщин». Также именно он в 1845 году в «Немецкой идеологии» пренебрежительно писал об идее, что семья – это основная ячейка общества.

Концепция «авторитарной личности» может интерпретироваться не только как модель для ведения войны против предрассудков как таковых, но скорее как руководство для ведения психологической войны против американского мужчины, чтобы отбить у него желание защищать традиционные взгляды и ценности. Другими словами, целью было «кастрировать» его, сделать его «не мужским», антимужским. Без сомнения, в Институте социальных исследований во Франкфурте подразумевали именно это, когда использовали термин «психологические методики для изменения личности».

Книга «Исследование авторитарной личности», в 1940-х и 1950-х изученная американскими последователями Франкфуртской школы, проложила дорогу для психологической войны против мужской половой роли. Этой цели содействовали Герберт Маркузе и другие в форме «освобождения женщин» и в движении Новых левых в 1960-х. Доказательства того, что психологические методики для изменения личности были специально задуманы для «эмаскуляции» (духовной кастрации – прим. перев.) американских мужчин, лишения их мужских черт, были также представлены Абрахамом Маслоу, основателем «гуманистической психологии как третьей силы» (наряду с психоанализом и поведенческой теорией) и сторонником применения психотерапевтических приемов в классных комнатах государственных школ. Он писал, что «следующим шагом в эволюции личности является трансцендентность мужественности и женственности к всеобщему человечеству».

Приверженцы культурного марксизма, очевидно, точно знают, что они хотят сделать и как они хотят этого достичь. До сих пор они с успехом реализовали большую часть своей повестки дня.

Как же в американских университетах дошло до такой ситуации? Гертруда Химмельфарб отметила, что она тихо проскользнула мимо традиционных профессоров, за их спинами, почти незамеченная, пока не было уже слишком поздно. Произошло это настолько «беззвучно», что, когда они «взглянули

вверх», постмодернизм уже нависал над ними с огромной силой. «Они были окружены настоящей приливной волной таких причудливых мультикультурных тем, как радикальный феминизм, деконструированный релятивизм как история, и другими курсами», которые должны были подорвать сохранение западной цивилизации.

В действительности эта мощная волна пришла именно так, как это представляли себе Антонио Грамши и Франкфуртская школа – тихая революция, которую нельзя остановить насильем.

Франкфуртская школа придумала концепцию характеризовать всех противников марксистской культурной революции как «авторитарные личности». Согласно имеющимся в распоряжении источникам:

«В 1944 году состоялась встреча американских ученых на конференции о религиозных и расистских предубеждениях. За следующие пять лет группа Франкфуртской школы под руководством Макса Хоркхаймера создала психологические профили американцев в ходе реализации проекта, названного «исследованиями предубеждений». Одним из результатов была книга Теодора Адорно и других авторов под названием «Исследование авторитарной личности», обобщающая результаты самого большого опроса общественного мнения, который когда-либо происходил в США. Книга была опубликована в 1950 году и во всех отношениях подходила к Критической теории. Как документ, свидетельствующий о системе взглядов революционеров Франкфуртской школы, она была направлена против Бога, против христианства, против семьи, против нации, против патриотизма, против консерватизма, против генетики, против этноцентризма, против мужских черт в мужчинах, против традиций и против морали. Все эти элементы можно найти в Критической теории». (Raehn, Raymond V. «Critical Theory: A Special Research Report». April 1, 1996.)

«Культурный марксизм», как его проповедовали выпускники Франкфуртской школы, внедрялся в то время элитой из поколения «бэби-бумеров». Это создало фундамент и проложило дорогу для весьма популярных и деструктивных концепций «положительной дискриминации», «мультикультурализма» и «этнокультурного разнообразия». Сегодня уже никак нельзя ускользнуть от этих лозунгов. Они выросли из исследований антисемитизма и дискриминации, которые проводил Институт социальных исследований в 1940-х годах и из систематического внедрения таких тем как «дискриминация», «гражданские права», «права женщин» и права других «меньшинств» в американскую культуру.

Как пишет Рэймонд Рэн:

«Критическая теория применила психологию масс, которая привела к демонтажу специфических половых ролей в американской культуре. Согласно Критической теории, различие между мужественностью и женственностью исчезнет. Традиционные роли матерей и отцов должны «раствориться», так что время патриархата подходит к концу. Дети не будут воспитываться в соответствии с их биологическим полом в специфических половых ролях. Это отражает основной аргумент Франкфуртской школы в пользу устранения традиционной семьи».

Одним из основных принципов Критической теории была необходимость разрушить традиционную семью. Ученые Франкфуртской школы проповедовали:

«Даже частичный распад родительского авторитета в семье может привести к тому, что будущее поколение будет больше готово принять социальные изменения». (Jay, Martin. *The Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute for Social Research, 1923 – 1950*. University of California Press, 1973.)

Трансформация американской культуры по представлениям культурных марксистов заходит намного дальше просто достижения «равенства полов». В их повестку дня включена «теория матриархата», намерением которой является сделать так, чтобы в американской культуре доминировали женщины. Это прямая отсылка к Вильгельму Райху, члену Франкфуртской школы, который рассматривал теорию матриархата с точки зрения психоанализа. В 1933 году он писал в книге «Психология масс и фашизм», что матриархат – это единственный изначальный и настоящий тип семьи «естественных» обществ.

Эрих Фромм, другой член-учредитель института, был одним из самых активных сторонников теории матриархата. Фромм был особенно увлечен идеей, что все чувства любви либо бескорыстные чувства были, в конечном счете, обусловлены материнской любовью, которая была необходима из-за длительного периода вынашивания ребенка у людей и ухода за ребенком после родов:

«Поэтому любовь не зависима от сексуальности, вопреки тому, что предполагал Фрейд. В действительности секс был гораздо чаще связан с ненавистью и разрушением. Мужественность и женственность – это не выражение «существенных» сексуальных различий, как думали романтики. Вместо этого они произошли от различий в жизненных функциях, которые были частично определены общественно».

Эта догма – это прецедент для сегодняшних радикально-феминистских утверждений, которые появляются в газетах и на телевидении, включая телепрограммы новостей. Для пропагандистов этой догмы мужские и женские роли следуют из культурной индоктринации – и из индоктринации, которую мужской патриархат осуществил во вред женщинам.

В действительности культурный марксизм в 1990-х объединился с радикальным феминизмом элиты поколения «бэби-бумеров», этого рецидива опасных трансценденталистов первой половины девятнадцатого столетия. В данный момент в нашей нации возникает большой котел кипящего недовольства, недовольства, у которого есть потенциал, чтобы разрушить американскую цивилизацию.

Деструктивный критицизм основных элементов американской культуры вдохновил контркультурную революцию 1960-х. Когда идеалистические «бэби-бумеры» стали старше, они в духе социальной революции старались извратить преобладающую культуру, превратив ее в ее противоположность. Теперь элиты из этого поколения находятся на командных позициях, и они работают над тем, чтобы разрушить исторические институты нации. Их целью также является разрушение наследия, которое мы называем «западной цивилизацией».

Ричард Бернстайн писал в своей книге о мультикультурализме (Bernstein, Richard. *The Dictatorship of Virtue: Multiculturalism and the Battle for America's Future*, Knopf, 1994), что «марксистско-революционный процесс последних десятилетий в Америке концентрируется на борьбе рас и полов, а не на классовый борьбе», как в прежние времена. Это отражает план, куда более тотальный, чем изменение только экономической структуры американского общества. Как охотно провозглашают социальные революционеры, их цель – разрушить гегемонию белых мужчин. Чтобы достичь этого, нужно снести все барьеры для внедрения большего количества женщин или представителей меньшинств всюду в «структуру власти». Это делается всеми имеющимися в распоряжении средствами, с помощью законов и судебных процессов, запугивания и демонизации белых мужчин как расистов и сексистов в средствах массовой информации и в университетах. Психодинамическая сторона революционного процесса имеет своей целью психическое лишение власти – обезглавливание – тех, кто возражает.

Стив Форбс подчеркивал:

«Отцы-основатели нашей страны определили три основные ценности в Декларации независимости, и они правильно оценили их: жизнь, свобода и стремление к счастью».

Форбс замечает, что как только последовательность этих фундаментальных прав человека меняется – счастье оказывается перед свободой, а свобода перед жизнью – мы тонем в моральном хаосе и социальной анархии.

Судья Роберт Борк точно описывает это состояние как «современный либерализм». Он определяет его характеристику как «радикальный эгалитаризм».

(равенство результатов вместо равенства возможностей) и «радикальный индивидуализм» (резкое сокращение границ личного удовлетворения).

Далее судья Борк называет радикальный феминизм «самым деструктивным и самым фанатичным» элементом современного либерализма. Позднее он описывает радикальный феминизм как «тоталитарный по своему духу».

Большинство американцев не осознает, что ими через их учреждения управляют социальные революционеры, все существо мышления которых вращается вокруг того, как можно еще дальше разрушить существующий общественный порядок, чтобы на его месте создать новый. Эти революционеры – это современные элиты поколения «бэби-бумеров». В наши дни они контролируют общественные учреждения Соединенных Штатов. Их «тихая» революция, которая началась с контркультурной революции в их молодости, приближается к завершению. Ключевым, если не доминирующим элементом этой революции является феминизм, так как предполагается, что он представляет самый большой политический и социальный электорат среди приверженцев революции. Марксистское движение в его сегодняшней культурной «конечной» фазе, по видимому, сметает все на своем пути. С его распространением через средства массовой информации, полностью находящиеся в руках феминизма, трудно разглядеть признаки жизни противостоящей этому культуры. Является ли элита «бэби-бумеров», «Новые тоталитаристы», самым опасным поколением в истории Америки? Уильям Стросс и Нейл Хоу именно так видят это в своей книге «Поколения: история будущего Америки, 1584 – 2069» (William Strauss and Neil Howe, *Generations: The History of America's Future – 1584 – 2069*). Джеймс Курт пишет:

«Соединенные Штаты сами стали великой державой, которая противостоит многому тому, что когда-то было известно как «западная цивилизация», особенно ее культурным достижениям и социальным договоренностям. Самые важные американские элиты – обладающие властью в политике, экономике, средствах массовой информации и народном образовании – сегодня используют американскую силу, особенно «мягкую силу» информации, коммуникации и популярных развлечений, для того, чтобы вытеснить западную цивилизацию не только в Америке, но и в Европе».

Поднимутся ли американские мужчины всех рас, и традиционалистские женщины всех возрастов и любого социального происхождения – которые все еще могут быть молчаливым большинством своего пола – и бросят ли они вызов политической корректности? Или же американские мужчины будут и дальше добровольно покоряться будущему крепостничеству под новым американским матриархатом? Станет ли это предвестником состояния анархии и конца демократического эксперимента в Америке? Вполне может быть так, что судьба американской цивилизации зависит от того, как стойко американские мужчины будут сопротивляться политкорректному феминизму. Более того, они

должны изобретательно бороться против значительно более широкого влияния и власти политической корректности, культурного марксизма, для которого радикальный феминизм – только одно из направлений удара.

Глава 6. Рекомендуемая литература о Франкфуртской школе для более глубокого изучения темы

Автор Уильям С. Линд

Это шестая и последняя глава в книге Фонда Free Congress Foundation о политической корректности или – если назвать это явление его настоящим именем – культурного марксизма. Это короткое библиографическое эссе задумано не как исчерпывающий источник для ученых, а как «путеводитель» для заинтересованных граждан, которые хотят больше узнать об идеологии, которая в данный момент захватывает власть в Америке.

Как уже знают читатели предыдущих глав этой книги, для понимания политической корректности и исходящих от нее опасностей необходимо понять ее происхождение и историю, особенно историю учреждения, которое более всего ответственно за ее создание, Франкфуртской школы. Франкфуртская школа или Институт социальных исследований, как она формально называлась, была основана в 1923 в Германии во Франкфуртском университете. Уже один этот факт важен, так как он показывает, что в случае политической корректности речь вовсе не идет о пережитке студенческой революции 1960-х.

Другой факт из того же давнего 1923 года столь же знаменателен: первоначально запланированным для Франкфуртской школы названием было «Институт марксизма». Отец и спонсор института, Феликс Вайль, писал в 1971 году, что он хотел, «чтобы институт стал известен, возможно, даже знаменит, благодаря своему вкладу в марксизм как научную дисциплину...» Вайль и другие основали традицию, которую политическую корректность продолжает также еще сегодня, когда они решили, что их подход будет эффективнее, если они замаскируют свой марксизм, и соответствующим образом выбрали звучащее нейтрально название «Институт социальных исследований».

Феликс Вайль (1898-1975)

Но «глубоким желанием Вайля было, в любом случае, создать институт – подобный Институту Маркса и Энгельса в Москве – со штатом профессоров, со студентами, библиотеками и архивами, и однажды подарить его «Немецкой советской республике». В 1933 году этот завуалированный институт марксизма покинул Германию и был восстановлен в Нью-Йорке, где он уже спустя короткое время сконцентрировал свои усилия на том, чтобы внедрить свою идеологию в американское общество.

Пожалуй, самая информативная и хорошо написанная книга об истории Франкфуртской школы на английском языке – работа Мартина Джей «Диалектическая фантазия. История Франкфуртской школы и Института социальных исследований 1923-1950» (Martin Jay, *The Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute for Social Research, 1932 – 1950*, University of California Press, Berkeley, CA, 1973 – new edition in 1996). Читателю следует учитывать, что эта книга, по словам другого труда о Франкфуртской школе, это «полуофициальная» история, другими словами, она преимущественно не-критическая. Как почти все другие англоязычные авторы, пишущие об этом институте, Джей – политически левый. Тем не менее, книга представляет собой солидное и опирающееся на факты введение в историю Франкфуртской школы, и у читателя не должно возникнуть трудностей с поиском в этой книге корней и происхождения сегодняшней политической корректности.

В первой главе «Создание Института социальных исследований и его первые годы во Франкфурте» Джей представляет истоки и природу института, а также попытки утаить и то и другое. «Первоначальная идея назвать его «Институт марксизма» была отвергнута как слишком провокационная, и начались поиски более эзоповской альтернативы (не последний раз в истории Франкфуртской школы)». О первом директоре института, Карле Грюнберге, Джей пишет: «Грюнберг закончил свою речь во время открытия института тем, что открыто

признался в своей личной приверженности марксизму как научной методологии. Так же, как либерализм, государственный социализм и историческая школа имели свои институциональные «жилища» в других местах, так и марксизм был бы ведущим принципом института».

Карл Грюнберг (1861-1940)

В первой главе описывается также критически важное изменение в институте, которое заложило фундамент для сегодняшней политической корректности, или же культурного марксизма: «Если можно сказать, что в течение первых лет его истории институт занимался первоначально анализом социоэкономического фундамента буржуазного общества, то после 1930 года его основной интерес был направлен на культурную надстройку этого общества».

Вторая глава «Дух Критической теории» повествует о сути кафедр «Критических исследований», которые в наше время служат источниками политической корректности в американских университетах. Все эти высшие учебные заведения – это филиалы и потомки Критической теории, которая разрабатывалась в 1930-е годы Франкфуртской школой. Термин «Критическая теория» – это игра слов. У человека возникает желание спросить, что это за теория. Ответ на этот вопрос состоит в том, что эта теория говорит о том, что нужно критиковать. Джей пишет: «Критическая теория выражалась, как уже подразумевает ее название, через серию критики других мыслителей и философских традиций... Только если оценивать ее по ее собственным критериям, как настойчивого критика других систем, ее можно полностью понять». Целью Критической теории является не истина, а преобразование, т.е. революционное действие: победа над нынешним обществом с помощью непрерывной деструктивной критики. Джей пишет: «Истинная цель марксизма, так аргументирует Хоркхаймер (Макс Хоркхаймер стал преемником Карла Грюнберга на

посту директора Института в июле 1930 года), не выявление неизменных истин, а содействие общественному перевороту».

Макс Хоркхаймер (1895-1973)

Центральным вопросом, с которым Институт столкнулся в начале 1930-х годов, был, как можно было бы применить марксизм к культуре. Название третьей главы книги Джея дает на это ответ: «Интеграция психоанализа». Здесь аргументация в книге Джея становится путаной, так что она не дает ясное понимание того, как именно в Институте комбинировали Маркса и Фрейда. Ответ на этот вопрос, кажется, состоял в том, что более поздняя критика Фрейда была сделана зависимой от капиталистического, буржуазного порядка: революционное, посткапиталистическое общество могло бы освободить человека от его фрейдовского подавления. Здесь можно вновь увидеть основные идеи политической корректности, включая призыв к сексуальному «освобождению» и атаку на «патриархальную» западную культуру.

Если Джей не разбирает подробно точный характер слияния Маркса и Фрейда, то следующая глава «Первые исследования авторитарности в Институте» проясняет цель этого слияния. Институт покинул Германию в 1933 году и переехал в Нью-Йорк, так как национал-социалисты пришли к власти. Неудивительно, что одним из первых заданий института было сопротивление против национал-социализма в Нью-Йорке. Это происходило в значительной степени через проведение психологических «тестов» об «авторитарных личностях». Якобы люди с «авторитарной личностью» должны были скорее быть сторонниками национал-социализма. Как концепция, так и методика были в лучшем случае сомнительными. Но работа Института создала важный инструмент для политических левых, а именно идею о том, что каждый нелевый, т.е. каждый правый – это психологически неуравновешенный человек. То, что эти исследования проводились среди американцев, подтверждает ключевую роль Института в создании политической корректности в Америке. В конце концов,

результатом этих исследований стала книга члена Института Теодора Адорно, которая была опубликована в 1950 году и должна была приобрести широкое влияние: «Исследование авторитарной личности».

Пятая глава Джея, «Анализ Институтом нацизма», продолжает тему «авторитарной личности». Но шестая глава, «Теория эстетики и критика массовой культуры», дает ответ на вопрос, почему большая часть «серьезного» современного искусства и музыки так ужасна. Она и должна быть такой. Теодор Адорно был ведущей фигурой Института в области высокой культуры, т.е. искусства – он начал свою карьеру как музыкальный критик и покровитель Шёнберга – и его представлением было, что ввиду «репрессивности» буржуазного общества искусство только тогда могло быть «настоящим», если оно устрашало и отражало устрашающее общество вокруг себя. Джей цитирует Адорно: «Успешное произведение [...] это не то, которое разрешает объективные противоречия в фальшивой гармонии, а то, которое выражает идею гармонии отрицанием, воплощая чистые и первоначальные противоречия в своей самой внутренней структуре».

Адорно презирал новую массовую культуру – кино, радио и джаз – и это кажется примером упущенной возможности: сегодня индустрия развлечений – самый могущественный сторонник политической корректности. Другая ключевая фигура Франкфуртской школы, Вальтер Беньямин, осознал этот потенциал: «как ни парадоксально, он с надеждой ожидал прогрессивный потенциал политического искусства в духе коллективизма». В какой-то момент кто-то – на вопрос, кто именно это был, в книге Джея нет ответа – соединил восприятие Беньямина вместе с общими представлениями Франкфуртской школы, что Джей резюмирует следующим образом: «Институт пришел к оценке, что индустрия культуры поработала людей значительно более тонким и более эффективным способом, чем грубые методы доминирования, которые практиковались в более ранние времена».

В оставшейся части книги Джей прослеживает (своего рода) эмпирическую работу Института в 1940-х годах, которая была связана с теми же проблемами, что и более ранние базирующиеся на опросах «исследования», и следует за Институтом во время его возвращения во Франкфурт в Германии после Второй мировой войны. Но к этому моменту у читателя уже сложилась общая картина: как марксизм был перенесен с экономического на культурный уровень, темы «сексуального освобождения», феминизма, «жертв» и так далее, которые образуют сегодняшнюю политическую корректность. И можно увидеть, что Критическая теория – это и есть исток тех бесконечных причитаний о «расизме, сексизме и гомофобии», которые изливают политкорректность. Однако один ключевой аспект истории отсутствует: «анализ влиятельной передачи Маркузе работы Франкфуртской школы для новой американской публики в 1960-х», как пишет Джей в своем эпилоге. Странно и то, что Джей только совсем мимоходом упоминает фактический переезд Института, в лице Хоркхаймера и Адорно, в Лос-Анджелес во время войны. Оказали ли связи, которые они там установили, влияние на внедрение философии Франкфуртской школы в американское кино и, после войны, телевидение? Джей молчит на эту тему.

Однако для читателей, которые до сих пор не видели во Франкфуртской школе истоков сегодняшней политической корректности, «Диалектическая фантазия» Джея станет солидной основой для знакомства с темой. Книга содержит обширную (хотя и без комментариев) библиографию трудов самой Франкфуртской школы и произведений других авторов о Франкфуртской школе.

Что касается других доступных трудов о Франкфуртской школе, то самый новый авторитетный труд о ней, вышедший на немецком языке, недавно был переведен на английский. Это «Франкфуртская школа: История. Теоретическое развитие. Политическое значение» Рольфа Виггерсхауса (The Frankfurt School: Its History, Theories and Political Significance by Rolf Wiggershaus, translated by Michael Robertson, The MIT Press, Cambridge, MA, first paperback edition 1995, немецкий оригинал «Die Frankfurter Schule: Geschichte. Theoretische Entwicklung. Politische Bedeutung» von Rolf Wiggershaus). Книга описывает многое из того, что Джей также рассматривает, но она также прослеживает историю Института в послевоенные годы после возвращения во Франкфурт вплоть до смерти Адорно в 1969 году. Виггерсхаус пишет более подробно, чем Джей, и, хотя он тоже сторонник левых политических взглядов, он пишет также значительно более критически. В послесловии книги Виггерсхаус бросает короткий (и враждебный) взгляд на критику Франкфуртской школы немецкими консерваторами. При этом появляется картина, которая могла бы показаться очень знакомой американцам, пойманной в ловушку политической корректности:

«С момента публикации своей книги «Das Elend der kritischen Theorie» («Нищета Критической теории») в 1970 году Рормозер придерживался взгляда, постоянно меняющегося в своей форме, что Маркузе, Адорно и Хоркхаймер были интеллектуальными приемными родителями террористов, которые использовали культурную революцию, чтобы разрушить традиции Запада. Такие ученые как Эрнст Топич и Курт Зонтхаймер, которые сами считали себя педагогами и либеральными демократами, следовали по стопам Рормозера. В 1972 году Топич, критический рационалист и профессор философии в Граце, указал, что за лозунгами «рациональной дискуссии» и «свободного от доминирования диалога» в университетах установился «определенный терроризм политических убеждений, которого там никогда не существовало раньше, даже во времена нацистской тирании»».

Следующие произведения о Франкфуртской школе включают:

The Frankfurt School by T.B. Bottomore (Tavistock, London, 1984). Тоже книга об истории, которая написана автором, симпатизирующим Франкфуртской школе, Джей и Виггерсхаус более детально.

The New Dark Age: The Frankfurt School and 'Political Correctness' by Michael Minnicino, in *Fidelio*, Vol. 1, No. 1, Winter 1992 (KMW Publishing, Washington, DC). Это – одно из немногих рассмотрений Франкфуртской школы, которые исходят не от сочувствующего. Длинная статья объясняет роль Института социальных исследований в появлении идеологии, которую мы знаем как политкорректность. К несчастью, ценность статьи несколько снижается из-за ряда малоправдоподобных отступлений.

Angela Davis: An Autobiography by Angela Davis (Random House, New York 1974). Анджела Дэвис, ведущая американская черная радикалка и член Коммунистической партии США, была охарактеризована членом Франкфуртской школы Гербертом Маркузе как «[его] лучшая студентка». Она училась также во Франкфурте у Адорно. Книга позволяет посмотреть на связь между Институтом социальных исследований и Новыми левыми в 1960-х годах глазами ключевой фигуры этого движения.

The Young Lukacs and the Origins of Western Marxism by Andrew Arato (Seabury Press, New York, 1979). Автор, как и многие другие, сторонник Франкфуртской школы, но его произведение показывает ключевую роль, которую сыграл Лукач для мышления Франкфуртской школы и позже Новых левых.

The Origin of Negative Dialectics: Theodor W. Adorno, Walter Benjamin and the Frankfurt Institute by Susan Buck-Morss (Free Press, New York, 1977). Важная книга о связи Франкфуртской школы и Критической теории с Новыми левыми.

Introduction to Critical Theory: Horkheimer to Habermas by David Held (University of California Press, Berkeley, 1980). Еще одна книга об истории, написанная

поклонником Франкфуртской школы, однако ценная из-за рассмотрения автором вопроса о влиянии Ницше на ключевые фигуры Франкфуртской школы.

Adorno: Eine politische Biographie von Lorenz Jäger (Deutsche Verlagsanstalt, 2003). Это недавно появившееся исследование биографии Теодора Адорно, самого важного «творческого ума» Франкфуртской школы, – это максимально заслуживающее прочтения введение в истоки политической корректности, возможно, лучшее, которое существует для дилетантов. Лоренц Йегер – редактор газеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Он – не не критический поклонник Франкфуртской школы и это приводит к чрезвычайно сбалансированной трактовке деятельности Адорно вместо привычного обожествления.

За этой вторичной литературой лежит огромная масса произведений, которые написали сами члены Франкфуртской школы. Несколько основных произведений были изначально написаны на английском языке, и много немецких книг есть в английских переводах. Как это обычно случается с марксистскими произведениями, стиль написания и лексикон часто настолько сложны, что они почти непонятны. Кроме того, отказ Франкфуртской школы описывать свое видение будущего ясно, приводит многих членов этой школы к тому, что они пишут афоризмами, что, естественно, затрудняет понимание произведений.

Как бы то ни было, одно из этих произведений настолько важно, что его обязательно нужно порекомендовать вопреки трудностям, которые влечет за собой его понимание: «Эрос и цивилизация» Герберта Маркузе (Herbert Marcuse, *Eros und Kultur*, Klett, Stuttgart, 1955). Это произведение с подзаголовком «Философское исследование Зигмунда Фрейда» особенно важно по двум причинам. Во-первых, в этом произведении решается задача интеграции Маркса и Фрейда. Хотя марксизм в этом труде остается лишь на заднем фоне, вся система взглядов книги марксистская и Фрейд рассматривается через эту марксистскую систему. Во-вторых, «Эрос и цивилизация» и ее автор – это ключевые компоненты для внедрения интеллектуальных трудов Франкфуртской школы в студенческий мятеж 1960-х. Эта книга была библией молодых радикалов, которые захватили университетские кампусы с 1965 года, и они еще и сегодня находятся там – как члены преподавательского состава.

Если говорить кратко, то «Эрос и цивилизация» призывает к тотальному мятежу против традиционной западной культуры – «Великому отказу», и обещает «страну с молочными реками и кисельными берегами» со свободным сексом и освобождением от необходимости работать для тех, кто участвует в революции. Примерно после двух третей книги Маркузе предлагает такое резюме своих аргументов:

«Наше определение специфически исторического характера утвердившегося принципа реальности привело к пересмотру фрейдовского представления о

его общезначимости. Мы поставили ее под сомнение ввиду исторической возможности упразднения репрессивного контроля, налагаемого цивилизацией. Кажется, что достижения самой этой цивилизации привели к устареванию принципа производительности и архаизации репрессивного использования инстинктов. Но идея нерепрессивной цивилизации на основе достижений принципа производительности столкнулась с тем возражением, что освобождение инстинктов (и, как следствие, тотальное освобождение) угрожает взрывом самой цивилизации, так как последняя держится только отречением и трудом — иными словами, репрессивным использованием энергии инстинктов. Освобождение от этих принудительных ограничений обрекает человека на существование без труда и порядка, чреватое возвращением в природное состояние, и уничтожение культуры. Чтобы ответить на это возражение, мы напомним некоторые архетипы воображения, которые в противоположность культурным героям репрессивной производительности символизировали творческую рецептивность. Эти архетипы предвосхищают осуществление человека и природы, но не путем господства и эксплуатации, а через высвобождение внутренних либидозных сил. Затем мы поставили перед собой задачу «верифицировать» эти символы, т. е. показать их истинностную ценность как символов принципа реальности по ту сторону принципа производительности. Мы полагали, что содержанием образов Орфея и Нарцисса является эротическое примирение (союз) человека и природы в эстетическом подходе, где порядок — это красота, а труд — игра».

Маркузе после этого резюме продолжает излагать эротическое содержание «реальности за принципом производительности», т.е. новой цивилизации, в которой труд и производительность неважны. «Основополагающий опыт этого измерения скорее чувственный, чем умозрительный; эстетическое восприятие существенно интуитивно, а не понятийно» — что не означает ничего другого, нежели то, что чувства важнее разума: «Основание эстетики как независимой дисциплины предстает как противодействие репрессивной власти разума: усилия, направленные на утверждение центрального положения эстетической функции и установление ее как экзистенциальной категории, выводят на свет внутреннюю истину чувств как противовес их искажению под господством принципа реальности. Эстетическая дисциплина противопоставляет порядку разума — порядку чувственности».

«В немецком языке *sensuousness* и *sensuality* передаются одним и тем же термином: *Sinnlichkeit*. Он означает и удовлетворение инстинктов (в особенности сексуальных), и познавательные процессы чувственного восприятия и представления (ощущение — *sensation*). Это двойное означивание сохранено по сей день как повседневным, так и философским языком, и термин *Sinnlichkeit* как основа эстетики удерживает эту двусмысленность. В этом применении термин обозначает «низшие» («темные», «смешанные») познавательные способности человека плюс «чувство боли и удовольствия» — ощущения плюс влечения». ...

«Перестав быть инструментом труда полный рабочий день, тело вновь стало бы сексуальным. Начавшись с оживления всех эrogenных зон, «регрессивное» распространение либидо проявилось бы в возрождении прегенитальной полиморфной сексуальности и закате генитального приоритета. Тело как целое превратилось бы в объект катексиса, в инструмент наслаждения. Изменение ценности и размаха либидозных отношений поведет к распаду институтов, ответственных за организацию частных межличностных отношений, в особенности моногамной и патриархальной семьи».

И это в книге, которую Маркузе посвятил своей пятидесятилетней супруге Софи!

Легко увидеть, как это послание – «Если ты от этого получаешь удовольствие, то делай это», опубликованное в 1955 году, было подхвачено студентами-бунтарями в 1960-х. Маркузе понимал то, чего не понимали большинство его коллег по Франкфуртской школе: путь к разрушению западной цивилизации – к цели, которую Лукач сформулировал еще в 1919 году – вела не через запутанную теорию, а через секс, наркотики и рок-н-ролл. Маркузе написал и другие книги для нового поколения, которое должно было породить Новых левых: «Одномерный человек» (1964), «Критика чистой терпимости» (1965), «Эссе об освобождении» (1969), «Контрреволюция и бунт» (1972). Но «Эрос и цивилизация» был и остается ключевым произведением, произведением, которое накрывает горшок крышкой.

Среди других наиболее важных произведений членов Франкфуртской школы нужно назвать следующие:

«Исследование авторитарной личности» Теодора Адорно (The Authoritarian Personality by Theodor Adorno, Harper, New York, 1950, в Германии вышла под названием Studien zum autoritären Charakter в 1973 году в издательстве Suhrkamp во Франкфурте). Эта книга – основа всего последовавшего, что представляло консерватизм в качестве психологического дефекта. Эта книга оказала чрезмерное влияние, не в последнюю очередь на теории народного образования.

«Диалектика Просвещения» Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера (Dialektik der Aufklärung von Theodor Adorno und Max Horkheimer, Amsterdam, 1947, английское издание – Dialectic of Enlightenment by Theodor Adorno and Max Horkheimer, trans. by John Cumming, Verso, London, 1979). Сложный философский труд, написанный во время Второй мировой войны, преимущественно как реакция на национал-социализм (и в значительной мере посвященный дискуссиям об антисемитизме). Это произведение пытается найти ядро «освобождающего» разума на руинах Просвещения.

«Minima Moralia» Теодора Адорно. (Minima Moralia. Reflexionen aus dem beschädigten Leben von Theodor Adorno, Berlin und Frankfurt am Main 1950, английский перевод – Minima Moralia: Reflections from a Damaged Life by Theodor Adorno, trans. E.F.N. Jophcott, New Left Books, London, 1974). Книга, полная афоризмов, почти полностью непонятное, но внушительное завершение трудов Адорно.

«Бегство от свободы» Эриха Фромма (Die Furcht vor der Freiheit von Erich Fromm, New York, 1941, англоязычное издание *Escape from Freedom* by Erich Fromm, Farrar & Rinehart, New York, 1941, все еще переиздается, в т.ч. в изданиях в мягкой обложке). Фромм был «веселой душой» Института, и книга Фромма часто была обязательным чтением в высших учебных заведениях в 1960-е годы. Фромм выдвигает гипотезу, что природа человека склоняет его к тому, чтобы он отбросил прочь свою свободу и выбрал фашизм, по меньшей мере, до того момента «когда человек овладеет обществом и подчинит экономическую машину целям человеческого счастья», т.е. когда он примет социализм. На этой стадии Фромм находился в процессе разрыва с институтом, и его более поздние труды не могут причисляться к произведениям Франкфуртской школы.

«Затмение разума» (Max Horkheimer, *Eclipse of Reason*, Oxford University Press, New York, 1947, немецкое издание – *Zur Kritik der instrumentellen Vernunft*, 1967). В принципе, продолжение «Диалектики Просвещения, эта книга содержит преимущественно работы Адорно и других членов Франкфуртской школы, хотя на обложке указано только имя Хоркхаймера. Содержание базируется на серии лекций, прочитанных Хоркхаймером в Колумбийском университете в 1944 году. Стиль написания удивительно легкий и понятен, но содержание странно, повсюду в книге ощущается сильная ностальгия, что обычно было анафемой для Франкфуртской школы. Самая важная глава, «Бунт природы», отражает странный направленный в прошлое анархизм: «Победа цивилизации слишком всесторонняя, чтобы быть истинной. Поэтому приспособление в наше время включает в себя момент возмущения и подавленной ярости».

«Традиционная и критическая теория: пять статей» (английское название «Критическая теория: Избранные эссе») Макса Хоркхаймера (*Traditionelle und kritische Theorie: Fünf Aufsätze. von Max Horkheimer, Frankfurt 1970, англоязычное издание: Critical Theory: Selected Essays by Max Horkheimer, trans. Matthew O'Connell, Seabury Press, New York, 1972*). Статья «Традиционная и критическая теория» особенно важна.

The Essential Frankfurt School Reader, edited by Andrew Arato and Eike Gebhardt (Continuum, New York, 1982, переиздается в мягкой обложке). В случае этой книги речь идет не о введении во Франкфуртскую школу, а скорее о перепечатке статей, которые преимущественно не были опубликованы в других книгах. Этот сборник нужно рекомендовать скорее для людей, уже обладающих

определенными знаниями предмета. Тем не менее, полезны как длинное предисловие обоих редакторов, так и некоторые из статей (составители снова люди твердых левых убеждений, и их стиль такой же тяжеловесный, как и стиль членов Франкфуртской школы).

Этой маленькой библиографии достаточно для начального знакомства заинтересовавшихся читателей с предметом. Литература самой Франкфуртской школы и литература о ней слишком многочисленна, как доказывают библиографии в книгах Джея и Виггерсхауса. Чего в этой библиографии недостает, по крайней мере, на английском языке, так это легко написанной книги, предназначенной для дилетантов, которая объясняет Франкфуртскую школу и ее произведения в связи с возникновением политической корректности. Эта короткая работа является, по меньшей мере, первой попыткой заполнить этот пробел.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).